

ХАННА МЭТЬЮСОН

Уизерворд

Что, если в наполненном
магией Лондоне
все пойдет наперекосяк?

18+

МЯТЕЖ

Ханна Мэтьюсон
Мятеж
Серия «Young Adult.
Уизерворд», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68900625

Мятеж: Эксмо; М.; 2023
ISBN 978-5-04-182107-4

Аннотация

Лондон, который вы не могли и представить!

Добро пожаловать в Уизерворд, город-копию Лондона, не похожий ни на что другое. Биг-Бен? Тут он не нужен! А как же Букингемский дворец? Тоже без надобности! Здесь люди превращаются в животных, а магия наводняет улицы.

Уизерворд населяют шесть народов – чародеи, метаморфы, призраки, телепаты, оракулы и мастера душ. Кассии семнадцать лет, из которых семь она была чародейкой и десять – метаморфом... при этом по-настоящему не принятой никем.

Двери общества молодых одаренных магов для нее закрыты. Пока однажды девушка случайно не пробуждает древнее заклинание. Теперь в ее руках судьба всего города.

Олливан, старший брат Кассии, пребывающий в изгнании, замышляет захватить власть. Однако заклинание, которое он

наложил на куклу в надежде сокрушить своего врага, сработало совсем не так, как было задумано.

Теперь девушка и мстительный маг должны работать вместе на благо будущего города. У внуков верховного чародея есть только одна попытка, чтобы спасти жителей от неминуемой гибели.

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	14
Глава 3	28
Глава 4	31
Глава 5	62
Глава 6	67
Глава 7	102
Глава 8	109
Глава 9	123
Глава 10	145
Глава 11	155
Конец ознакомительного фрагмента.	159

Ханна Мэтьюсон

Мятеж

В память о дяде Мэтте

Hannah Mathewson

WAYWARD

Published by Titan Books

A division of Titan Publishing Group Ltd

© Hannah Mathewson 2022.

All Rights Reserved.

© Ускова К., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

ТЕЛЕПАТЫ

Территория:

Уайтчепел

Лидер:

лорд Джерихо

Восс

Дружина:

стюарды

ОРАКУЛЫ

Территория:

Доклендс

Лидер:

провидец

Дружина:

аколиты

ПРИЗРАКИ

Территория:

Север

Лидер:

леди Джозави Райк

Дружина:

клинки

ЧАРОДЕИ

Территория:

Харт

Лидер:

верховный чародей Фиск

Дружина:

инфорсеры

МЕТАМОРФЫ

Территория:

Камден Таун

Лидер:

альфа Эстер

Дружина:

волки

МАСТЕРА ДУШ

Территория:

Метрополитен

Лидер:

Троица

Дружина:

плани

Глава 1

Олливана уволили из оккультного магазина Пендергаста в десять минут десятого утра, что, по его мнению, было даже поздновато.

Магазин был открыт уже больше часа, но из-за непрекращающегося осеннего дождя покупателей еще не было. Мистер Холт удалился в подсобку, чтобы разобраться со своими запасами или, быть может, чтобы избежать веселого насвистывания Олливана. И тут колокольчик над дверью наконец зазвенел.

– Она сказала, что это очень древняя малазийская техника и что с помощью нее можно наладить тесный контакт с миром духов, – рассказывала дама в зеленом своей спутнице, пока они складывали зонтики. – На наших глазах она ввела Луизу в транс. Просто прикоснувшись к ее плечу!

Стоящий за прилавком Олливан вернулся к записям в книге продаж, подумав о том, что женщины не узнают настоящую магию даже в том случае, если она протянет руку и закружит их в вальсе. Рядом лежала утренняя газета, первая страница которой была исписана. Поперек иллюстрации, изображающей королеву Викторию, исполняющую на прошедших выходных какой-то общественный долг, теперь красовалась надпись «*но где крыса???*».

Он работал над заклинанием, которое планировал использовать для отмены другого заклинания – весьма сложной защиты, которую ему нужно было снять. Сделай он это неправильно, и Олливана настигнут крайне неприятные последствия. А если у него получится, то все наконец будет готово встать на свои места.

– Прошу прощения?

Это была дама в зеленом. Она подозвала Олливана вежливым взмахом руки, он отложил ручку и, лавируя между столами и полками, подошел к ней.

– Доброго дня, – сказал он в знак приветствия.

Покупательница перевела свой любопытный взгляд на витрину. Олливан смотрел, как по стеклу стекают ручейки дождевой воды, и его разум заполнили мысли об аромате нарциссов и зелени молодых листьев. День был просто замечательный. Если повезет – последний в этом адском сером измерении.

– Мне сообщили, – сказала дама в зеленом, не скрывая

самовлюбленности, — что у меня врожденная способность к предвидению и я могла бы развить ее с помощью шалфея или полыни. Что бы вы посоветовали?

Олливан не знал, с чего начать.

— К предвидению?

— Ей сказала об этом Мадам Розали, известный медиум, — ответила спутница женщины, и они обменялись довольными улыбками.

Олливан снова посмотрел на женщину в зеленом. У нее были карие глаза, зрачки расширились из-за царящего в магазине полумрака; мистер Холт считал, что темнота придает помещению мистический вид. Если бы клиентка действительно имела способности к предвидению — была настоящим оракулом, Олливан смог бы определить это по глазам. И даже будь это так, никакая трава ей бы не помогла. Только чародеи, а никак не оракулы обладают способностью извлекать из вещей магические свойства. И Олливан сомневался, что женщина — одна из них.

— И сколько этот медиум взял с вас за то, что рассказал об этом даре? — спросил он.

— Ну, я...

— Поскольку у вас есть дар предвидения, возможно, вы могли бы заранее знать, что этот шарлатан потратит ваши деньги без зазрения совести.

Женщина начала краснеть. Послышалось шарканье — мистер Холт вернулся в магазин.

– Какой вы грубиян! – воскликнула ее подруга. – Это не ваше дело, как Фиона узнала о своем даре. Она просто спросила вашего совета по поводу трав.

– Травы.

Олливан окинул взглядом полки с пучками сухих трав и палочками благовоний.

– Единственная имеющаяся у нас трава с какими-никакими магическими свойствами – это розмарин, но вряд ли он вам пригодится, разве что поможет от ночных кошмаров, но вы в любом случае можете купить его в бакалейной лавке в два раза дешевле.

– Шалфей!

Мистер Холт положил руку на плечо Олливана и отодвинул его. Женщины продолжали смотреть на Олливана с нескрываемым недоумением, а мистер Холт протянул руку и взял пучок шалфея с одной из полок.

– Для ясного видения, мэм. Это должно устранить препятствия на пути вашего дара и усилить ваши видения.

Он протянул шалфей женщине в зеленом. Та подозрительно смотрела на то, что, как знал Олливан, было не чем иным, как обычной приправой по завышенной цене.

– Прошу вас, примите это в качестве подарка, – добавил мистер Холт.

Женщины забрали предложенное и ушли.

– Олливан.

Мистер Холт вздохнул.

– Я отпускаю тебя.

– Я уволен? – мягко спросил Олливан.

Мистер Холт провел рукой по лицу. Он не был искусен в таких вещах. Это было очевидно хотя бы потому, что Олливан умудрился проработать здесь аж целый год.

– Тебе просто не подходит это занятие. Возможно, ты слишком скептичен в подобных вопросах.

Олливан не был согласен с такой характеристикой. Просто всей этой таинственности и загадочности не было места в настоящей магии.

– Но то, что ты не смог отодвинуть в сторону свои чувства по этому поводу, стоило мне слишком дорого.

Олливан не мог с этим поспорить. Дама в зеленом была лишь одной из многих. На прошлой неделе Олливан чуть не довел постоянного клиента до слез, начав спорить с ним об астрологии. А до этого был человек, который пытался прочитать *ему* лекцию о том, как нужно накладывать чары. И что-то о феях и контроле над разумом, Олливан даже не мог вспомнить. Он тогда заколдовал обувь этого человека, чтобы тому казалось, будто шнурки связаны вместе, и мужчине пришлось ковылять так до самого дома.

Олливан одарил мистера Холта своей самой широкой улыбкой и похлопал его по плечу.

– Мне жаль, что все так закончилось, мистер Холт. Всего вам наилучшего и удачи во всех будущих начинаниях.

Мистер Холт ничего не ответил и лишь моргал, пока Ол-

ливан снимал с крючка у двери свое пальто и шляпу; в то утро он забыл свой зонтик, но это не стало проблемой. К тому времени как его бывший начальник пришел в себя, Олливан вырвал свои записи из гроссбуха и уже собирался спрятать их в карман.

– Подожди, – сказал мистер Холт, шаркая в сторону подсобки. – Твоя зарплата.

– В этом нет необходимости, – вмешался Олливан. – Я был лишь обузой, испортил почти каждую страницу вашего гроссбуха и с тех самых пор, как вы меня наняли, и при каждом удобном случае вытворял вещи, которые могли лишить вас прибыли. Оставьте себе свои деньги. Купите еще немного трав.

Мистер Холт с опаской взглянул на гроссбух, затем на полки с пучками трав. Олливан приподнял перед стариком шляпу и в последний раз вышел из оккультного магазина Пендергаста.

– Ты должна все время мне писать и рассказывать все о магии чародеев, – говорит Файф. Его голос приглушен плечом твоего пальто. Тебя крепко сжимают его худые, слишком длинные руки. Ты обещала ему, что он тоже будет высоким. Только сейчас ты понимаешь, что тебя здесь уже не будет, чтобы в этом убедиться.

Когда Файф отпускает тебя, Илиас, сияя своей обаятельной улыбкой, пожимает тебе руку.

– Срази их наповал, моя дорогая.

– Я так и сделаю, – обещаешь ты.

А потом ты прощаешься со всеми ними, будучи уверенной – всего на мгновение, что это ужасная ошибка. Твои друзья остаются у тебя за спиной, и их теплое, умиротворяющее присутствие магнитом притягивает тебя обратно.

Но ты не возвращаешься. Ты идешь вперед.

Глава 2

ТРЕМЯ ДНЯМИ РАНЕЕ

Кассия была в ярости на саму себя.

Она стояла перед проходом в живой изгороди – тем, что вел в розарий, – почти три минуты, размахивая перед ним руками, словно и вправду ждала, что он выполнит ее приказ.

Но этого не произошло бы.

Джаспер выбрал для нее именно это упражнение, потому что намерение, стоящее за чарами, было ясным и понятным: сделать проход невидимым. Сделать так, чтобы живая изгородь выглядела как одна сплошная стена свежей весенней зелени. И ей не должно было быть сложно представить это.

Но проблема была не в ее намерении.

– О чем ты просишь магию? – спросил стоящий у нее за спиной Джаспер. Его голос был мягок. Кассия слышала, как он несколько раз набирал в грудь воздуха, чтобы заговорить, прежде чем решился задать вопрос. – Ты правильно делаешь, что говоришь о намерении шепотом, это дает хороший контроль, но все же скажи мне точную формулировку.

В знак поражения она опустила руки по бокам.

– *Скрой проход.*

– Хорошо.

Его тон был слишком позитивным; голос оказался настолько пропитан похвалой, что недовольство Кассии собой, вероятно, стало очевидным.

– Твое намерение совершенно. Оно не могло бы быть проще.

Кассия вздрогнула от выбранных им слов. На плечи легла тяжесть. Все это действительно выглядело проще некуда.

Джаспер, как всегда, всего лишь пытался помочь. На самом деле он был одним из лучших учителей, которые когда-либо были у Кассии. Он никогда не выказывал удивления по поводу того, насколько примитивными были ее навыки, ведь знал, что она провела большую часть своего детства за пределами лондонского квартала чародеев, лишенная общества своих соплеменников. И он был терпелив, в отличие от ее последнего наставника – пожилого мужчины, который, когда она в очередной раз потерпела неудачу, пригрозил ей ремнем.

Но в то же время учеба с Джаспером походила на пытку. Ему было восемнадцать – всего на год больше, чем ей, – и все же его уверенность в своей магии была так же сильна, как срывающиеся с его губ заклинания. По словам дедушки Кассии, он был жемчужиной в короне Общества молодых одаренных чародеев.

Общества, которое отказало Кассии во вступлении год назад, и через три дня эта участь грозит снова ее постичь.

Уже не в первый раз она пожалела, что вообще родилась чародейкой. Магия метаморфов – способность менять форму – наверняка была не такой сложной. Технически и в магии оракулов невозможно было потерпеть неудачу; они видели прошлое, настоящее и будущее почти бесконтрольно. Их первые уроки магии заключались в том, чтобы просто блокировать эти видения. Призраки могли проходить сквозь твердые объекты, но их необыкновенные физические способности приходили к ним естественным путем, как и способность телепатов читать мысли. А силой мастеров душ был психокинез – способность силой мысли перемещать объекты и управлять ими. Кассия точно не знала, как они этому обучались, и, вероятно, это было и вправду очень сложно, но все равно это один-единственный навык – как если бы чародей овладевал всего одним заклинанием.

Она могла бы относиться к любому из шести воплощений магии, но принадлежала к тем, кто направлял и укрощал самую неподатливую силу. К тем, кто сформировал нечто более сильное и своенравное, чем они сами, и придал форму чему-то бесформенному. Магия чародеев была самой сложной из шести, и это хорошо известный факт. И Кассия начинала беспокоиться, что просто недостаточно талантлива, чтобы овладеть ею.

Она невольно подняла глаза на возвышающийся над ними дом, опасаясь, что ее прогресс – точнее его отсутствие – заметят изнутри. Но она никогда не узнает, наблюдала ли ее

мать за уроками и оценивала ли успехи, поскольку каждое стекло в каждом окне было зачаровано так, чтобы независимо от погоды или времени суток отражать прекрасный розовый закат. Это было одним из самых тонких магических украшений на их улице. Дом слева от них исчезал под определенным углом зрения. У того, что справа, на месте крыши раскинулась крона гигантского дуба. По утрам, когда Кассия просыпалась от снов о гигантских волках и вырастающих крыльях – атрибутах совершенно другого магического детства, – все, что ей требовалось сделать, это выглянуть в окно, чтобы напомнить себе, что теперь она находится в квартале чародеев.

Как будто она могла забыть об этом хоть на секунду.

– Проблема не в намерении, – сказала она, сердито глядя на брешь в изгороди.

– Я уверен, что ты права.

– Если бы я намеревалась бросить все это и взамен выпить чашечку чая, как ты думаешь, мне повезло бы больше?

Джаспер ухмыльнулся.

– Не в мою смену. Опиши, как себя чувствуешь. Твоя магия отвечает, когда ты вызываешь к ней?

– Да.

Просто чтобы убедиться, Кассия попробовала еще раз. Это заняло не больше секунды, и она почувствовала, как магия расцветает где-то в ее груди, сильная и нетерпеливая.

Джаспер колебался.

– И ты устремляешь ее по направлению к горлу?

– Да, – отрезала Кассия. Она спохватилась, встретившись с пронзительными голубыми глазами Джаспера, и добавила, словно извиняясь: – Я знаю, как накладывать чары.

Магия могла быть направлена одним из нескольких способов: через тело, через объект или субстанцию, через слова. Поскольку сейчас чары должны были лишь подействовать на объект, а не наполнить его магией, намерение основывалось на последнем, а для этого чародеи направляли свою силу в горло.

Даже пятилетние дети знали эти принципы и понимали, как творить магию. Это первое, чему учился чародей, и гораздо важнее грамоты и арифметики. Кассия училась всему сама. Она огорчалась каждый раз, когда кто-то из наставников, которые были у нее за последние два года, задавал ей вопросы по магической теории.

К счастью, Джаспер этого не делал, но Кассия и так знала, о чем он думает. Ее понимание магии чародеев было прочным, ее намерения безупречными. И что же было не так?

Она не всегда была такой безнадежной. Прежде чем вернуться в Харт – так назывался квартал чародеев в Лондоне – Кассия более или менее свободно владела заклинаниями. В этом не было ничего сложного, хоть она и не была должным образом обучена; родители годами нанимали ей учителей, но Кассия практиковалась неохотно и добилась очень небольшого прогресса. А с тех пор, как началось настоящее

обучение, казалось, что чем глубже она изучала теорию, тем меньше проявлялась ее магия. Временами она все еще могла без особых усилий сотворить заклинание, но, как только нужно было это продемонстрировать, Кассия вдруг становилась бессильной. И она понятия не имела, что делает не так.

– Не мог бы ты просто... отвернуться? – спросила она. – Я чувствую, что ты наблюдаешь за мной.

Джаспер улыбнулся и склонил голову набок.

– Конечно, я наблюдаю за тобой. Я твой наставник.

– Я знаю, но это отвлекает. Пожалуйста.

Джаспер приподнял бровь, но отвернулся.

– Не подглядывать.

– Клянусь.

Кассия мгновение наблюдала за ним, чтобы проверить, бросит ли он украдкой взгляд, а затем снова обратила свое внимание на изгородь. Она подняла руки, направив раскрытые ладони на ведущий в розовый сад проход. Магия должна была действовать на изгородь не через ее руки, но это помогало устремить заклинание в правильном направлении.

Она глубоко вздохнула и прогнала свое предыдущее разочарование, а затем воззвала к своей магии. Та послушно подчинилась, собираясь чуть ниже ее ребер, готовясь быть направленной туда, куда Кассия пожелает. Пока все шло хорошо. Держа в голове намерение «*скрой проход*», она поощряла теплую, шипучую силу подниматься через ее грудь прямо к горлу.

Не подведи меня на этот раз.

Когда губы Кассии произносили заклинание, она почувствовала некоторое сопротивление, но преодолела его, сосредоточившись на ощущениях, и начала бормотать слова.

– Скрой проход, – говорили ее губы. *«Сделай это, сделай это, сделай это»*, умолял ее разум.

Магия сорвалась с губ, но заклинание прозвучало тоньше и медленнее, чем она надеялась. *Нет*. Она начала размахивать руками, но потом вспомнила, что это бесполезно. Под тяжестью тревоги намерение ускользнуло; в ее сознании промелькнул четкий образ цельной, блестящей живой изгороди, но затем совсем другая картина пробилась себе дорогу.

«Я не могу снова потерпеть неудачу», – взмолилась она, но ее магия не обратила на это внимания. Оставив во рту смутно мстительный привкус, магия начала творить чары. Проход замерцал. Мертвые, черные лозы, усеянные шипами, протянулись поперек него и сразу же начали осыпаться. Когда Кассия опустила руки, ее поразила ничем не обоснованная уверенность в том, что Джаспер расскажет об этом своим собратьям по Обществу. О том, какой слабой она была.

– Теперь ты можешь повернуться, – тихо сказала Кассия.

Джаспер обернулся. Она ожидала от него, как и всегда, терпеливого взгляда или намека на сочувствие, который заставил бы ее съежиться, но, прежде чем юноша смог сдержать себя, он рассмеялся.

В этот момент остатки магии, словно сердясь, покинули

Кассию. Она почти готова была сказать, что никогда больше не вернется к этому занятию. Ее руки сжались в кулаки.

– Ну, ты наложила чары, – сказал Джаспер, перестав смеяться при виде выражения лица Кассии. – Это прогресс.

– Прогресс.

Она бросила на него быстрый взгляд.

– Ты, должно быть, так гордишься.

– Все не так уж плохо, – заверил Джаспер.

Он попытался прижать кончик указательного пальца к шипу и наблюдал, как тот проходит прямо сквозь него, явно не нанося никакого вреда. Хорошее заклинание было бы осязаемым. Творение Кассии оказалось всего лишь уродливым миражом.

– Ну, визуальное представление действительно довольно убедительно, если не обращать внимания на... осыпающиеся части.

– Джаспер, это могут быть самые смертоносные шипы, которые садовник когда-либо видел, и он все равно никогда бы не поверил, что это нечто большее, чем чары, – сказала Кассия, указывая на пышную зеленую изгородь по обе стороны. – Пожалуйста, давай попробуем что-нибудь еще. Может, ты научишь меня, как защитить этот розовый сад?

– Обереги?

Джаспер почесал свои рыжеватые волосы.

– Это, ах...

«Слишком сложно для тебя» – вот что он не решался

говорить. И он, вероятно, был прав; обереги защищали от вторжения, вреда или магии или предупреждали заклинателя о чем-либо из вышеперечисленного. Если они не были прочными, то являлись бесполезными.

– Тогда не бери в голову, – тихо сказала Кассия.

– Но почему бы тебе вместо этого не попробовать снять чары? – поспешно сказал он. – Я думаю, ты сможешь это сделать.

Она не смогла. Джаспер объяснил правильное намерение для снятия чар и даже продемонстрировал это ей на сирени, которую он зачаровал стать ярко-оранжевой, но магия Кассии все еще отказывалась сотрудничать с ней. Прежде чем она смогла приложить хоть какую-то волю к месиву созданных ею же черных шипов, они окончательно рассыпались.

– Тогда давай назовем это твоим домашним заданием. На завтра.

Джаспер ободряюще улыбнулся ей, и единственная ямочка с одной стороны сморщила его бледную щеку.

– Как продвигается заклинание для твоего посвящения?

Тревога сдавила грудь Кассии. Ее вторая попытка пройти посвящение в Общество молодых одаренных чародеев будет предпринята через три дня. Ей и другим претендентам предстоит продемонстрировать выбранное ими заклинание перед всем собравшимся Обществом, которое, если чары произведут на них должное впечатление, примет своего нового члена голосованием «да». Те, чьи чары не приведут собравших-

ся в восторг, получают голоса «нет» и будут награждены детской книгой базовых заклинаний в качестве утешительного приза, а также приглашены попробовать еще раз через год.

Предполагалось, что все это должно происходить в атмосфере веселья, являясь своего рода посвящением для новых участников. Только вот если вы единственный член вашей семьи, который провалил свое первое посвящение, в этом нет ничего забавного.

Верховный чародей Фиск – повелитель Харта, конечно же, тоже будет там, потому что Кассии просто не могло повезти и потому что церемония посвящения в этом сезоне будет проходить в ту же ночь, когда Обществу предстоит голосовать за своего нового президента.

Чтобы не опозориться, она работала над собой изо всех сил. Кассия разработала прекрасное заклинание, простое по замыслу, но достаточно сложное при взгляде со стороны. Как говорил Джаспер, такими были все лучшие заклинания. Это должно стать интересным зрелищем для публики, фирменным знаком, который люди запомнят, увидев ее в общей комнате Странствующего Места, светского клуба.

Если это работает.

Когда Кассия думала о ночи испытания, она видела, что все может пойти по одному из двух сценариев. В первом случае заклинание действует так, как планируется. Она вздыхает с облегчением, мягко, чтобы никто не догадался, что у нее когда-либо были сомнения, и улыбается своим новым бра-

тъям и сестрам, когда президент призывает их проголосовать и хор «да!» разносится по всему залу церемонии.

Во втором случае заклинание не срабатывает. Момент, когда она понимает, что все потеряно, тянется так долго, будто она застряла в нем навсегда. И в этот бесконечный миг, когда Кассия осознает, что потерпела неудачу, и все остальные вот-вот тоже это поймут, в зале воцаряется тишина. Становится так тихо, что она слышит, как кто-то нетерпеливо шаркает в глубине толпы, возле камина. И затем понимание просачивается сквозь наблюдающую толпу, как веселящий газ. Краем глаза она видит, как секретарь Общества Ян Леникер что-то шепчет Айвану Гоффу, который прикрывает рот рукой, пытаясь безуспешно скрыть ухмылку. В ушах отдается стук сердца. К ее горячим щекам приливает кровь. Все, что они думали о ней, вдруг становится очевидной правдой.

Когда ее разум обращался к ночи испытания, то детали второго сценария всегда были более четкими, чувства – более убедительными. В конце концов, такое уже бывало прежде.

– Прекрасно, – солгала Кассия в ответ на вопрос Джаспера. – Заклинание продвигается просто отлично. На самом деле я думаю, что почти готова.

Джаспер выглядел неуверенным, и Кассия не могла винить его.

– Ты будешь великолепна, Кассия. Я полностью в тебе уве-

рен. У тебя сильная магическая родословная.

Сильная магическая родословная, которая отослала ее, когда ей было пять. Она воспитывалась вдалеке от своего народа и не могла наслаждаться влиянием своей магической семьи. И хотя ее обучали учителя, которых посылали ей семья, этого обучения было недостаточно, чтобы компенсировать все прочее. Кассия отличалась от них и всегда ощущала дистанцию.

Джаспер, должно быть, понял по выражению ее лица, что сказал что-то не то.

– Послушай, – поспешно сказал он, – я не думаю, что здесь лучшее место для твоей практики. В Странствующем Месте есть комната, которая в какой-то момент превратилась в чулан для разного хлама. Там полно реквизита, оставшегося от игр, оборудования для летнего фестиваля и всего такого прочего. Несколько лет назад я расчистил там немного места и использую его как своего рода тренировочную площадку, когда пробую что-то новое. Никто никогда не беспокоил меня там. Это место абсолютно секретно.

Кассия покачала головой. Только членам Общества, известным как преемники, разрешалось входить внутрь, если только не было специального разрешения президента Общества.

– Но я не преемник.

– Пока.

– Но все же мне нельзя там находиться.

– Я могу незаметно провести тебя, – сказал он, и его кривая ухмылка стала шире. В этой улыбке чувствовался пролеск озорства, которого Кассия никогда раньше не замечала. Джаспер всегда сохранял совершенное благоразумие на их уроках, но, возможно, это было только потому, что он серьезно подходил к своей работе.

– Я думаю, тебе было бы полезно оставаться наедине с собой во время практик и чтобы рядом не ошивался настырный наставник, пытающийся не пялиться на тебя.

Кассия улыбнулась.

– Ты не настырный, Джаспер.

Она никак не прокомментировала слова о том, что он на нее пялится. Она беспокоилась, что он имел в виду именно то, что прозвучало.

Кассия была влюблена в Джаспера. Ей нравилось проводить с ним время на уроках, но она всегда подозревала, что когда он откликнулся на объявление ее матери о поиске репетитора, то руководствовался чем-то еще. Хотел ли он видеть ее чаще из-за того, что испытывал те же чувства к ней, что она к нему? Или все это было попыткой – *второй* попыткой – втереться в доверие к самой могущественной семье их фракции?

Она хотела, чтобы Джаспер был ее другом. Слишком многие из ее сверстников улыбались ей в лицо, а затем, когда думали, что она не смотрит, бросали косые взгляды.

Но Джаспер всегда оставался от них в стороне. Он про-

водил в Обществе столько времени, сколько должен был, но не более того. Он был прилежен и несколько одинок; о нем хорошо отзывались — когда о нем вообще говорили. Короче говоря, она никогда не заподозрила бы его в сплетнях, и это было для нее крайне важно. Кассия стала предметом такого количества сплетен, что опасалась, как бы не привыкнуть к этому.

Неужели она воображала, что то, как он смотрел на нее, грозило разрушить их дружбу? Если бы она дала ему достаточно уверенности, чтобы он мог сделать то, после чего не будет дороги назад, смогли бы они и дальше быть друзьями? Он назвал тот чулан секретным местом, его секретом, которым он поделился с ней. Это было что-то слишком... личное.

И все же очарование места, где можно практиковаться, не опасаясь, что за ней наблюдает мать, было слишком сильным, чтобы отказаться. Она улыбнулась в ответ.

— Звучит чудесно.

Глава 3

Если Олливан и спешил по дороге обратно в пансионат, то не из-за дождя; он был в слишком хорошем настроении, чтобы чувствовать его. Единственным, что ускоряло его шаг, было предвкушение.

Он остановился только один раз, перед общественной библиотекой на Бромптон-роуд. Это место было одним из многих, куда ему запрещено заходить. Но все должно было вот-вот измениться.

– Отличное пальто, мистер.

Олливан оглянулся. Уличному мальчишке на ступеньке позади него было одиннадцать или двенадцать лет, и он был весь в грязи. От холода он дрожал с ног до головы.

– Забирай, – сказал Олливан, снимая пальто и передавая его мальчику. Наконец он почувствовал дождь, но это вызвало лишь усмешку.

Мальчик не смел колебаться. Обеими руками он потянулся за пальто и бросился прочь, пока Олливан не передумал.

Остаток прогулки Олливан проделал быстрым шагом, но к тому времени, как он добрался до пансионата, все же промок насквозь. Миссис Флинт, хозяйка, предложила высушить его одежду перед кухонной плитой, но Олливан с улыбкой отказался; он все равно собирался переодеться в свой лучший костюм. Он вставил ключ в ржавый замок и ударил

ногой по основанию своей двери – это был единственный способ, которым он мог заставить эту старую, искореженную рухлядь сдвинуться с места. Из окна комнаты не было видно ничего, кроме кирпичной стены напротив. Отсюда не было видно даже проблеска солнца, и от этого становилось еще холоднее. Так холодно, что волосы на руках Олливана вставали дыбом. Юноша поставил под протекающую крышу пустое ведро, а воду из предыдущего вылил в переулок. Он пообещал себе не чинить ни течь, ни замок, ни дверь. Поселиться здесь означало бы потерпеть поражение, а Олливан не был повержен. Он отсалютовал двери, ведру, жалкой кирпичной стене за окном и подумал о том, что месяцы неудобств стоили того.

Затем он достал из шкафа свой лучший костюм и стряхнул пыль с лацканов, параллельно насвистывая мелодию, все еще звучавшую в голове, – народную песню, которую он выучил в детстве, о женщине, которая превратилась в кита и съела всех, кто причинил ей зло.

Одевшись, Олливан встал перед пыльным зеркалом и любовался произведенным эффектом. Он был худее, чем год назад. Работа в магазине приносила достаточно, чтобы обеспечить крышу над головой и еду три раза в день, но это была совсем не та пища, на которой он вырос. Ему стало интересно, чем его семья будет ужинать сегодня вечером. Олливан задумался, не утка ли это будет.

Затем он убрал все следы своего пребывания в крошеч-

ной комнате, оставил на кровати плату за последнюю неделю, сунул зонтик под мышку, а страницы из грессбуха мистера Холта в записную книжку и, продолжая фальшиво на-свистывать, покинул пансион.

Глава 4

ДВУМЯ ДНЯМИ РАНЕЕ

Кассия стояла на углу площади Друзеллы, глядя на лес почерневших башенок, вырастающих из готического особняка, который преемники назвали своим клубом. Подножие здания было окутано зачарованным плющом. Вместо листьев он был покрыт бабочками, крылья которых синхронно закрывались и раскрывались, так что они дрожали на каменной кладке, как рябь на пруду. Это заставляло весь дом казаться живым.

И возможно, так оно и было. Чары Странствующего Места были одними из старейших и наименее понятых во всем Лондоне. Говорили, что заклинание пережило не только своего создателя, но и всех его потомков и в награду получило власть над самим собой.

Кассия бы ни за что в это не поверила, но поколения чародеев уже ощутили на себе влияние легенды. Дом любил устраивать розыгрыши. Это здание было известно как Странствующее Место отчасти потому, что коридоры имели привычку уводить вас в неожиданные места. Дом издавал необъяснимые звуки, скрывал комнаты, но вдруг открывал

их вновь — уже на другом этаже. Он переставлял картины, менял замки, отбрасывал тени дверных проемов там, где их не было. В фойе у входа висел знаменитый список всех чародеев, которые пропали без вести и которых больше никто не видел, включая одно зачеркнутое имя; Джунипер Генри в конце концов вышла из дамской комнаты через восемьдесят пять лет после того, как туда зашла, все еще девятнадцатилетней и не помнящей, где она была все эти десятилетия.

Но его также называли Странствующим Местом в связи с путешествием тех, кто его населял. Общество молодых одаренных чародеев было путем, по которому каждый из его членов шел, балансируя между юностью и взрослой жизнью, и в котором его члены приобретали достаточно мудрости и уверенности в себе, чтобы идти вперед и побеждать. На самом деле это было место, где следующее поколение богатых, принадлежащих к элите чародеев заводило связи и создавало репутацию. Любой член Общества мог быть им лишь до наступления двадцати двух лет, после чего ему следовало покинуть его и заняться более важными делами: политикой и бизнесом или продолжить обучение в самых старых, уважаемых учебных заведениях на континенте. Прозвище участников, приемники, означало вступление во взрослую жизнь на смену предыдущему поколению. Кассии все это было хорошо знакомо. Она выросла среди правящей семьи Камдена, для которой власть и статус были еще более важны, чем среди элиты чародеев.

У Кассии с рождения было место в этом мире, и все же ей оказалось нелегко его занять. С другой стороны площади Друзеллы на Странствующее Место смотрели Палаты Алхимии – здание, из которого верховный чародей Джупитус Фиск правил Хартом. Палаты были настоящим дворцом, построенным по вкусу Фиска, когда он впервые пришел к власти пятьдесят лет назад. В отличие от большинства зданий в центре, его фасад нельзя было с первого взгляда назвать красивым, и все же черный мрамор обладал сверхъестественной глубиной; казалось, будто смотришь в колодец и ничего не видишь, но чувствуешь пропасть, которая может поглотить тебя целиком.

Люди говорили, что, глядя верховному чародею в глаза, испытывали то же самое чувство. Кассия могла подтвердить, что это правда.

Белая брусчатка площади была вычищена почти до блеска, уличные фонари украшены позолотой, а посередине стоял роскошный фонтан. Верховному чародею нравилось напоминать своим людям о том, какими богатыми он их сделал, каждый раз, когда те оказывались в квартале чародеев.

Ибо на западном краю площади Друзеллы через Темзу тянулся Вестминстерский мост, разделяющий фракции. С одной стороны родной квартал Кассии – Харт, территория чародеев. С другой – Камден Таун, квартал метаморфов. На мосту находились дружинники обеих фракций: и инфорсеры, и «камденские волки», и у каждой дружины был пост

охраны на своем берегу.

С того места, где ждала Кассия, в пятидесяти шагах от нее, пост охраны чародеев не казался внушительным. Однако стоило пересечь площадь, и можно было заметить, как стена преломляет свет, так что мост за ней, казалось, парит, отсоединенный от берега. Чародеи могли пройти прямо сквозь него, ничего не почувствовав, но лондонцы, владеющие магией иного рода, оказались бы в ловушке, как мухи в паутине, если бы стражи порядка на границе не приказали заклинанию пропустить их. На дальнем берегу метаморфы обеспечили свою безопасность с помощью мешков с песком, деревянного барьера и собственной магии; полдюжины ополченцев носили форму волков с пастями размером с голову Кассии.

Так было по всему городу. Лондон занимали шесть народов – чародеи, метаморфы, призраки, телепаты, оракулы и мастера душ – но не как единое сообщество, а как изолированные фракции, разделенные жестокими, постоянно меняющимися границами. Все к западу от Гайд-парка и большая часть того, что лежало к югу от Темзы, было территорией чародеев. Она граничила с Доклендсом, территорией оракулов, простирающейся к востоку от Тауэрского моста. Сразу за рекой от того места, где стояла Кассия, Камден Таун был лишь клочком земли, но он расширялся по мере того, как тянулся к своей северной границе до Хэмпстед-Хит. К востоку от Камдена лежал Уайтчепел, квартал телепатов, а Север

занимали призраки. Невидимой на карте улиц города оставалась территория мастеров душ; десятки лестниц в каждом квартале вели глубоко под булыжники и фундаменты, мимо канализационных коллекторов и давно погребенных руин, в подземелья, известные как Метрополитен.

Так дела в Лондоне обстояли с тех пор, как город две тысячи лет назад был основан калликанцами. Они пытались сохранить власть с помощью иерархии магических каст, сея раздор и недоверие между четырьмя другими фракциями, стремясь установить над ними контроль.

Это продолжалось до небесного события, известного как Сдвиг – появления метаморфов. Внезапное появление шестого народа в Лондоне повергло город в хаос и привело к массовой резне и падению калликанцев. Но укоренившиеся между фракциями разногласия не смогли разрешиться, а только усугубились. На протяжении веков город существовал в напряжении и балансировал на грани откровенной войны.

Третья эпоха в битве за Лондон началась примерно в то время, когда родилась Кассия. Тогда лидеры фракций согласовали набор правил, известных как Принципы. Именно эти соглашения предписывали переход с территории на территорию через пункты охраны и угрожали наказанием тем, кто использовал свою магию за пределами квартала своего народа. Именно правители фракций обеспечивали соблюдение Принципов, и именно они отвечали, если кто-то из их под-

данных был пойман на нарушении.

Кассия не пересекала пограничный пост в Камдене почти два года, с того дня как ее забрали из дома правящей семьи метаморфов и доставили в Харт, чтобы она получила надлежащее магическое образование. Туда, где ее способности не будут привлекать внимания; где она могла бы принять свою магию, которой, пытаясь стать метаморфом, всегда опасалась.

Она покосилась на противоположный берег, чтобы посмотреть, не знаком ли ей кто-нибудь из волков на сторожевом посту. Был ли кто-нибудь из них среди тех, кто раньше наблюдал за ней с подозрением или закрывал глаза, если метаморф проклинал ее на улицах Камдена? Были ли среди них ее друзья, которым она так и не написала? Кассия думала, что у нее больше шансов найти свое место в Харте, среди своего народа, поэтому все хорошее, что было в ее жизни в Камдене, она оставила позади вместе со всем плохим. Но все вышло не так гладко. Ей семнадцать лет, из которых семь она была чародейкой, и десять – метаморфом... при этом не будучи по-настоящему принятой ни одной из фракций.

Но она не готова сдаться. Она овладеет своей магией, присоединится к преемникам и сбросит мантию «аутсайдера». Она станет такой, какой ее, внуку верховного чародея Джупитуса Фиска, все и ожидают увидеть.

Бросив еще один взгляд на ополченцев Камдена, Кассия с опозданием заметила, что кто-то пересек мост и приближа-

ется с ней. Уткнувшись носом в газету, он, казалось, тоже ее не заметил. Они были достаточно близко, чтобы коснуться друг друга – Кассия сделала шаг в одну сторону, затем в другую, пытаясь предугадать его движения, – как вдруг Вирджил Пайк поднял глаза и резко остановился.

Побледнев, он сложил газету. Вирджил был на две головы выше Кассии. У него были темные глаза, острые скулы и темно-коричневая кожа. Дрожащими пальцами он засунул газету в карман пиджака, где уже лежала книга.

– Доброе утро, Вирджил.

Она подавила желание спросить о его походе в соседний квартал, потому что тогда он мог спросить, почему она околачивалась возле Странствующего Места. Объяснение, что она ждет, когда Джаспер Хоукс незаметно проведет ее внутрь, не подошло бы другому преемнику. Это могло бы даже привести к тому, что ей запретят вступать.

– Кассия, – сказал Вирджил в знак приветствия. Он не встретился с ней взглядом, вместо этого смотрел по сторонам. Кассия узнала этот взгляд; она заметила его еще тогда, когда впервые попыталась поговорить с чародеем своего возраста, и много раз с тех пор. И не кто иная, как ее мать, бестактно сообщила, что многие в глубине души считают ее кем-то вроде шпионки из Камдена или просто той, кто слишком уж склонна переживать о делах и заботах метаморфов. У Харта были хорошие отношения с Камденом, но они были неидеальны, и двухтысячелетняя история научила жителей

Лондона тому, что такие союзы не бывают достаточно устойчивыми.

Этого следовало ожидать, но каждый раз, когда такое случалось, сердце Кассии замирало. Они с Вирджилом не очень хорошо знали друг друга, и, хотя он всегда казался сдержанным – даже угрюмым, – она слышала, как люди говорили, что он вел себя так со всеми. У него было несколько неугомонных старших сестер, и сплетники поговаривали, что именно из-за них он так молчалив.

Но при взгляде на название книги, засунутой в карман его пиджака, узел в груди Кассии ослабел. С ее губ сорвался смешок.

– «История Харта» Гофорта, – сказала она, и глаза Вирджила расширились. Кассия махнула рукой. – О, нет. Пожалуйста, не бойся, Вирджил. Я не собираюсь рассказывать своему дедушке.

Это оказалась одна из книг о том, как Джупитус Фиск пришел к власти и как это было связано с исчезновением предыдущего верховного чародея и нераскрытым убийством двух его советников. В Харте эта работа не была в явном виде запрещена, но и купить ее здесь было нельзя, и Кассия подозревала, что те, кто не скрывал своего интереса к этой книге, встречали дружинников у себя на пути чаще, чем прочие. Джупитус предпочитал истории, в которых основное внимание уделялось его успешным торговым сделкам и где подписание Принципов представлялось как его собственный вели-

кий план по достижению всеобщего мира. Так что было понятно, почему Вирджил относился к Кассии настороженно.

– Нужно изучать разные источники, чтобы получить трезвый взгляд на вещи, – сказал он таким тоном, словно хотел защититься.

– Я согласна, – сказала она, улыбаясь. – И я тоже это читала.

Вирджил удивленно выпрямился.

– Правда?

– Там, где я выросла, эта книга не считается такой уж скандальной.

Кассия пожалела, что напредила ему об этом в ту же секунду, как слова слетели с ее губ, – как будто люди Харта могли об этом забыть, но если Вирджил и был раздражен, то виду не подал. Он подошел ближе и снова взглянул на нее.

– А Мартинес ты тоже читала? – тихо спросил он. – Потому что, я думаю, некоторые из ее идей относительно переворота Фиска в самом деле уникальны...

Он поднял глаза, и его взгляд зацепился за что-то над головой Кассии, что заставило его нахмуриться. Мгновение спустя она услышала шаги.

Джаспер завернул за угол и по мере приближения к ним замедлил шаг. Он остановился рядом с Кассией, и ей показалось, что она увидела, как напряглись и расслабились мышцы на его челюсти.

– Пайк, – сказал он с наигранной веселостью. – Доброе

утро.

Вирджил не ответил на приветствие, но взгляд, которым он одарил Джаспера, был не просто угрюмым. Он был пропитан ядом. Джаспер пользовался благосклонностью верховного чародея, так что было мудро не продолжать разговор в его присутствии, но это явно было чем-то большим. Он перевел взгляд обратно на Кассию и уже набрал в грудь воздуха, чтобы заговорить, но ограничился кивком и зашагал прочь, вцепившись рукой в спрятанную под пиджаком книгу.

Джаспер смотрел ему вслед.

– Рискну сказать, что ты ему не нравишься, – сказала Кассия, и Джаспер ухмыльнулся.

– Я думаю, что ты, возможно, права.

– Что все это значило?

Но Джаспер покачал головой и взял ее за руку.

– Пошли. Мы можем проникнуть внутрь через вход для прислуги.

Он повел ее вокруг здания, где короткая лестница вела вниз к неприметной двери. Кассия остановилась.

– Это хорошая идея?

Джаспер вопросительно нахмурился.

– Если меня поймают на проникновении внутрь, не повлияет ли это на мои шансы присоединиться к Обществу?

– Тебя не поймают. Доверься мне.

Он сжал ее руку, и Кассии еще сильнее захотелось попасть внутрь. Он хотел помочь ей.

– Все, кто сейчас внутри, слишком заняты, чтобы заметить нас. Ты сама увидишь.

Дверь вела на кухню, где дразняще пахло выпечкой; о завтраках, которые подавались членам клуба в Странствующем Месте, шептались среди претендентов так же часто, как и о его престижности. Молодая служанка наблюдала, как они направлялись к внутренней двери, но, когда Джаспер подмигнул ей и потащил Кассию вперед, та только покраснела и улыбнулась.

Затем они оказались в главном коридоре, и Кассия попыталась сдержать свой благоговейный трепет. Не потому что Странствующее Место оказалось красивым, хотя таким оно определенно было: стены обшиты панелями из темного дерева с резьбой в виде выющихся листьев и распускающихся цветов. Половицы – древние и потертые, но отполированные до блеска. Здесь царила атмосфера древнего, ожившего заклинания. Ее нос защекотало от наполняющей здание магии. Чародей мог почувствовать любое сильное заклинание, но это было похоже на плавание в шампанском; то же самое чувство возникало в ней, когда она призывала свою магию, но здесь магия порхала по коридорам и цеплялась за стены. Даже в тишине Кассии казалось, что она слышит дыхание этого старого места.

А потом раздались крик и аплодисменты. Кассия посмотрела на Джаспера широко раскрытыми глазами. Он кивнул в сторону лестницы и закатил глаза.

– Пошли.

В общей комнате на втором этаже две дюжины или около того шумных преемников столпились, наблюдая за чем-то на полу. Кассия и Джаспер стояли в арке, ведущей в зал, наполовину скрытой тяжелым бархатным занавесом.

– Что они делают? – прошептала Кассия.

– Тратят впустую свою молодость? – спросил Джаспер. – Притупляют страдания своих пустых жизней?

Она не до конца поняла его интонацию, но улыбка, которой он одарил ее, казалась фальшивой. Джаспер и вправду думал так о своих сверстниках?

Кассия выглянула из-за занавеса и начала собирать воедино детали. Игроки заколдовали бумажных лягушек, чтобы те прыгали, участвуя в своего рода забеге, в то время как другие создавали на их пути магические препятствия. Видимо, это была одна из тех игр, где участвовала выпивка, потому что проигравшему в каждом забеге вручали стакан коричневой жидкости, который он должен был выпить залпом.

В животе у Кассии что-то сжалось, но она и сама не поняла, было это предвкушением или тревогой. Она не очень любила пить и всегда чувствовала себя немного потерянной в толпе, хотя и объясняла это тем, что еще не нашла свою компанию в Харте. Как только в ее жизни появятся друзья, то, наверное, игры с выпивкой и буйное поведение перестанут так сильно пугать. Кроме того, она была уверена, что в Обществе есть место и многому другому. Она знала, что у

них была библиотека, где приглашенные лекторы рассказывали о магии и истории, а также о будущих возможностях в карьере и много о чем еще.

Кассия знала, что Джаспер наблюдает за тем, как она следит за преемниками, поэтому напустила на себя вид легкой заинтересованности, а затем сказала ему двигаться дальше.

Он проводил ее в узкий коридор на верхнем этаже особняка, где было всего одно окно, выходявшее на мокрую от дождя крышу. Дверь в изогнутой стене явно вела вверх по винтовой лестнице к одной из башенок, и Кассия предположила, что они направлялись именно туда. Однако здесь оказался скрыт второй дверной проем. Он сливался со стеной; даже заметить его кто, решил бы, что это просто какой-то шкаф. Ничего, кроме пустоты под лестницей. Тем не менее Джаспер достал маленький железный ключ и вставил его в замок.

– Они знают, что у тебя это есть? – спросила Кассия, кивая на ключ.

Джаспер ухмыльнулся.

– Конечно нет. Раньше я тайком доставал его из сейфа с ключами, а потом понял, что никто никогда не задался бы вопросом, куда он пропал. Теперь он мой.

Кассия снова задумалась над тем, насколько хорошо знала Джаспера: прилежного, воспитанного наставника, который так нравился ее бабушке.

Когда он вставил ключ в древний замок, Кассия повернулась в другую сторону, готовая стоять на стреме, и почув-

ствовала, как волосы у нее на затылке встали дыбом. Она не сразу возразила против идеи пробраться тайком в Странствующее Место. Джаспер был так воодушевлен этой идеей, что просто не хотелось его подводить. Но сейчас ей стало не по себе. Она списывала все на то, что нарушает правила, но, когда за спиной скрипнула дверь, это чувство усилилось. Кассия обернулась, и, когда Джаспер распахнул дверь, чувства велели ей не поворачиваться спиной к растущей пропасти тьмы, которая появилась, когда проход открылся шире.

– Это уловка? – выпалила она.

Джаспер замер, положив руку на щеколду.

– Уловка? – сказал он, не сумев скрыть замешательство, граничащее с обидой.

– Это чары, или заклинание, или что-то в этом роде, – настаивала Кассия, хотя уже пожалела, что вообще открыла рот. Она указала подбородком на комнату. – Разве ты не чувствуешь этого?

Джаспер посмотрел в темноту и снова на нее, и прежнее выражение его лица сменилось восторгом.

– О, это не чары.

Хотя его лицо будто светилось, голос тонул во тьме.

– Здесь много волшебства. Смотри.

Но эта магия казалась странной. Зловонной, прокисшей, как вино, превратившееся в уксус, или еда, превратившаяся в яд. Возможно, она была на взводе из-за напряженной атмосферы Странствующего Места и самого чулана. Еще и беспо-

койство по поводу того, что она проникла сюда тайком, сыграло злую шутку. Джаспер терпеливо придерживал дверь, поэтому Кассия подавила свои эмоции и вошла внутрь.

Комната оказалась намного больше, чем она ожидала. Возможно, ее представление о здании было неверным, но сложилось ощущение, что это одна из проделок Странствующего Места и комната существует в зачарованном пространстве внутри стен и между половицами. Большое окно в наклонной крыше открывало вид на серую шиферную черепицу и серое небо за ней, но темнота все еще цеплялась за углы. Джаспер нашел лампу и повернул механизм, чтобы активировать кусок люминесцентного камня внутри – похожего на кварц минерала, который можно зачаровать так, чтобы он светился.

С одной стороны комната оказалась уставлена уходящими в тень стеллажами, но пространство с другой стороны было расчищено: множество самых разных предметов сдвинуто к стене или свалено в кучи. Прялка. Миниатюрный театр теневых кукол. Коллекция горных пород и минералов в деревянной витрине. Целая бочка мраморных шариков.

– Извини за беспорядок, – сказал Джаспер, проводя носовым платком по подоконнику и кашляя от поднявшегося облака пыли.

– Что все это такое?

– Это вещи, которые я нашел, – сказал Джаспер, пожимая плечами. – Вещи, над которыми я работал.

– Вещи, над которыми ты...

Тогда Кассия поняла, что он имел в виду, когда сказал, что в этом месте много магии.

– Эти вещи заколдованы?

На его лицо вернулась недобрая ухмылка.

– Конечно. Как ты думаешь, для чего я использую это пространство? Это лаборатория для моих экспериментов.

Кассия бродила среди груды артефактов и безделушек. Стол был заставлен стеклянной посудой – мензурками и котлами, некоторые из которых оказались выжжены дочерна, а на стенах висели полки с бутылками.

В одном углу стоял манекен, какой обычно используют портные. Его одели в форму стюардов, дружины телепатов. За исключением того, что у стюардов она была темно-синей. Эта же униформа была похожего оттенка, но только когда смотрели на нее под прямым углом. В уголке глаза одежда вспыхивала бирюзовым и фиолетовым, а под определенным углом становилась тенью, которая тянулась к Кассии до тех пор, пока ее взгляд вновь не обращался на манекен. Повернуться к нему спиной и уйти было все равно что убежать в безопасную постель посреди ночи в шестилетнем возрасте.

Чародеи считали свою магию священным даром звезд, и поэтому ничего не запрещалось. Экспериментальная магия стала для них камнем преткновения. Новые заклинания изобретались и записывались так же непрерывно, как развивались технические, медицинские и инженерные достиже-

ния. Но магия не являлась ни технологией, ни медициной, ни инженерией; она была бесконечно более опасной и изменчивой, чем любая другая сфера деятельности. Для экспериментов в сферах колдовства, приготовления зелий, зачаровывания предметов существовали невысказанные границы, диктующие, что считать честной игрой, а о чем говорить с опаской. Судя по содержимому этой комнаты – и по тому факту, что Джаспер держал все это в секрете, – то, чем он занимался, по общему молчаливому согласию обычно входило в компетенцию самых образованных ученых из самых престижных университетов. Кассия даже не была уверена, что ему вообще позволено тайно пробовать свои заклинания.

Должно быть, он прочитал некоторые из этих мыслей на ее лице.

– Такие вещи не регулируются законом, – сказал он, словно защищаясь.

– В этом-то и проблема, не так ли? Кто поможет, если ты оступишься?

– Мне не нужно помогать, – сказал он, улыбаясь.

– Магия может погубить, Джаспер.

– Ты беспокоишься обо мне?

Тогда Кассия поняла его улыбку. Она заметила, как он придвинулся ближе. Возможно, в конце концов, все это было плохой идеей.

– Ты прав. Это не мое дело.

Попытка отмахнуться от его комментария не сработала.

Джаспер взял Кассию за руку. Ее инстинктом было вытащить свою руку; она так привыкла к одиночеству, что не могла по-другому. Но Джаспер только сунул ключ ей в ладонь и отступил.

– Оставайся столько, сколько захочешь, – сказал он. – Но, хм, постарайся ни к чему не прикасаться.

А потом Кассия осталась одна. Она заперла дверь и встала в центре комнаты, прислушиваясь. Но тишина была абсолютной; Странствующее Место поглотило возгласы преемников внизу так же, как поглотило Джунипер Генри. Она даже не слышала голубей на крыше, хотя их крылья время от времени отбрасывали тень, и ей стало интересно, не наложено ли на комнату заклятие, делающее ее такой тихой. В любом случае она могла запороть дюжину заклинаний, и никто и слова бы не сказал; ее мать не могла постучать в дверь или посмотреть на розовый сад из окна. Джаспер был прав; это именно то, что ей нужно.

Положить сумку было негде, поэтому Кассия расстелила на полу носовой платок и положила ее сверху, после чего достала из нее банку и поставила в центре комнаты. Банка была наполовину заполнена землей, а в крышке проделаны отверстия. В почву был воткнут небольшой росток из розового сада. Все это требовалось для заклинания, которое она разрабатывала для своего посвящения; того, которое ей еще только предстояло успешно завершить.

Кассия сделала несколько медленных вдохов, чтобы про-

гнать болезненное беспокойство, которое наполняло ее всякий раз, когда она сталкивалась с магией. Ей никак не поможет, если она разочаруется в себе еще до первой попытки. Она сняла крышку с банки и отошла.

То, что понравится толпе. Простое, но зрелищное. Это был совет, который давал ей каждый – вне зависимости от того, просили его или нет, – стоило в разговоре упомянуть тему посвящения. Все говорило о том, что существовала определенная формула успеха и, чтобы преуспеть, достаточно было ее знать. И кто мог знать это лучше, чем наследница династии чародеев Кассия Симс?

Она достала листок бумаги, записала намерение – *расти и цвести* – и несколько заметок, которые должны помочь ей воплотить желаемое. Более сложные заклинания стоило записывать на бумаге из орехового дерева, которая обладала особыми свойствами. Чародей зачаровывал бумагу, чтобы та горела, когда он заканчивал свое заклинание, высвобождая еще большее количество энергии и очищая свое намерение в одной-единственной команде.

Кассия никогда не применяла такого заклинания; немногие чародеи ее возраста были достаточно сильны для подобных вещей. Кассия просто использовала заметки в качестве вспомогательного средства, поскольку намерение, стоявшее за ее заклинанием, было не таким простым, как некоторые могли бы предположить. Намерение «расти» было не самым очевидным, и эта часть стала провалом ее первой дюжины

попыток. Однажды ей удалось раздуть росток до размеров небольшого пня, разбив банку вдребезги, после чего он задох, не пустиив ни единого листочка.

Поэтому, чтобы помочь самой себе прояснить команду, Кассия прочитала полдюжины книг по биологии, пока не убедилась, что с научной точки зрения знает, о чем просит, когда приказывает «расти».

Затем нужно было заставить получившееся растение зацвести. Усиленная визуализация распускающегося розового куста вызвала не один взрыв. Итак, Кассия исследовала, как роза проходит свой годовой цикл, чтобы лучше понять, чего именно она просит от растения. После восьми недель практики и изучения Кассия смогла назвать и идентифицировать восемнадцать видов роз, а также объяснить механизм фотосинтеза и закономерность, лежащую в основе расположения лепестков в бутоне, но до сих пор она не зачаровала ни один забытый звездами росток, чтобы тот вырос в розовый куст и распустился.

И теперь у нее оставалось два дня.

Джаспер сказал, что она слишком много об этом думает, ясное и понятное намерение важнее, чем глубокое знание специфики того, на что накладываются чары. Но ясное и понятное намерение подводило, и она была готова попробовать что угодно.

Кассия устремила взгляд на банку в центре комнаты и призвала магию, которая, как всегда, начала разрастаться

внутри ее. «Ты здесь», сказала она себе. «И ты достаточно сильна».

«Расти и цвести», – приказала она ростку. Ей не нужно было произносить эти слова вслух, даже шепотом. Она направляла свою магию через пальцы в хрупкий маленький стебель в банке с почвой, где, как Кассия надеялась, растение пустит корни.

Когда Кассия направила магию в свои пальцы, та поднялась, как дым от свечи. Она знала заклинание так хорошо, что намерение казалось легким и чистым. Расцветай, расти, стань розовым кустом и цветком. Мышечная память сжала руки Кассии в кулаки, повернула их к небу и расправила пальцы, как лепестки раскрывающегося бутона. Ее руки не могли управлять банкой и ее содержимым, только ее магия, но движение помогло ей визуализировать то, чего она хотела достичь, и это было крайне важно.

Розовый куст. Красивый, цветущий розовый куст, покрытый ярко-красными цветами.

Магия струилась из пальцев и окутывала банку, маленький росток задрожал, и у Кассии перехватило дыхание. Неужели все? Она подавила свое волнение и укрепилась в своем намерении. *Расти и цвети. Расти и цвети.*

Листик. Потом еще один. И вот росток уже был готов вырваться из банки на свободу. В почве появились прижимающиеся к стеклу белые корни.

– Да, – услышала Кассия свой голос. Ее руки дрожали. Но

она и раньше заходила так далеко. Ей нужно было поддерживать заклинание дальше.

Когда появился первый бутон, Кассия поняла, что она здесь не одна.

– Ты занимаешься магией?

Она закричала. Напор магии усилился. Банка разбилась, разбросав повсюду грязь и лепестки розы. Ее намерение улетучилось, как сон после пробуждения.

– Кто там?

Она заперла дверь. Были ли окружавшие ее стены и тишина волшебством? Ее испуганный взгляд упал на пугающую униформу стюарда в углу. Манекен не двигался.

– Я, – ответил детский мелодичный голос.

Дрожь пробежала по спине Кассии. Голос доносился из тени между полками.

– Покажись, – сказала Кассия. Она попятилась к своей сумке, в угол. Ключ от двери был внутри.

Тоненький голосок рассмеялся.

– Я не могу, – сказал он. – Я кукла.

– Кукла.

Просто кукла. Это была заколдованная детская игрушка. Кассия пошла навстречу к голосу, ее разум успокоился – девушка даже почувствовала смущение, но сердце все еще было беспокойно. Оно билось так сильно, что ее трясло.

– Где ты? – спросила она, оглядывая ряды стеллажей.

– Тут.

Ответ не внес ясности. Кассия выбрала один из проходов и, повернувшись боком, чтобы поместиться, проскользнула между полками.

– Я здесь, – снова сказала кукла.

Совсем рядом. Кассия повернулась на голос и подпрыгнула. Из-за банки с вязкой красной жидкостью на нее смотрело лицо, растянутое и искривленное формой стекла во что-то чудовищное. Но торчащая ступня – маленькая и обутая в ботинок, на короткой ноге без суставов – выдавала куклу. Кассия отодвинула банку в сторону и сняла куклу с полки.

Зачарованные куклы, заколдованные для ведения простых бесед – обычно для того, чтобы побудить молодых чародеев практиковать свою магию, – пользовались неизменной популярностью. Эта выглядела старой. Огромная юбка фиолетового платья уже два десятилетия как вышла из моды, и строгий пробор, и обрамляющие лицо локоны. По одной стороне белого фарфорового лица от лба до подбородка пробежала трещина. Как и у Кассии, у куклы были ярко-зеленые глаза и черные волосы. На самом деле она была именно такой, какую мог бы выбрать кто-нибудь из родственников Кассии, потому что кукла была похожа на нее.

Она могла бы принадлежать Кассии, когда та была ребенком, если бы родилась двадцатью годами раньше. У нее самой никогда не было заколдованной куклы. Если бы она выросла в Харте, возможно, кому-то пришлось бы в голову подарить ей такую же, но дети-метаморфы играли с деревянными

ми животными, которые помогали им выучить новые формы. Самой любимой игрушкой Кассии в детстве была фигурка льва.

– И как ты сюда попала? – пробормотала она, разглаживая юбки куклы.

– Я думаю, что меня украли, – весело ответила кукла.

– Украли?

Ответа не последовало. Кассия предположила, что магия исчерпала свои возможности – она сомневалась, что чары хранят какие – либо значимые воспоминания, – но затем кукла ответила:

– Я принадлежала одной маленькой девочке, но она от-
вернулась, и меня украли.

Вещи, которые я нашел. Вещи, над которыми я работал.

– Тебя украл юноша? – неуверенно переспросила Кассия. – Рыжевато-каштановые волосы, голубые глаза?

– Да. Он.

Итак, вдобавок к использованию экспериментальной магии, от которой волосы на шее Кассии встали дыбом, Джаспер воровал у детей.

– Почему? – спросила она вслух. Сделать подопытной зачарованную куклу было несколько жутковато, но, возможно, это вполне подходило тому, кто скорее украл бы ее у маленькой девочки, чем зашел в магазин.

– Это не имеет значения, – сказала кукла своим мягким счастливым голосом. – Это свело нас с тобой вместе. Давай

потренируемся в магии. Я помогу тебе.

Кассия фыркнула.

– Боюсь, мне уже ничем не помочь.

– Каждый может научиться, – предсказуемо сказала кукла.

– Да, я не сомневаюсь. И как ты можешь мне помочь?

– Ты можешь практиковать свои заклинания на мне.

Кассия повернула куклу так, чтобы ее мертвые стеклянные глаза смотрели на россыпь стекла и грязи в центре пола.

– Ты хочешь закончить так же?

– Ты хочешь продолжать терпеть неудачу?

Кассия удивленно рассмеялась. Она ожидала чего-то вроде «ты все сможешь» или «просто продолжай пытаться». И показалось ли ей, или в дружелюбном тоне куклы действительно прозвучала нотка вызова?

– Ох.

– Не волнуйся. Я здесь, чтобы помочь тебе.

– Хорошо. Тогда делай все, что в твоих силах.

– Ты можешь сделать мои волосы светлыми?

Кассия вздохнула. Играть с куклой было очень весело – пока ей не напомнили, что она не может воплотить даже те заклинания, что предназначены для восьмилетних детей.

– Вряд ли, – признала она.

– Попробуй.

Со вздохом Кассия выскользнула из-за полки. В конце одной из них стояла стремянка, и она поставила ее в центр по-

ла и усадила на нее куклу.

– Это была твоя идея, – сказала она ей. – Я не несу никакой ответственности за результат.

Она сделала несколько шагов назад и призвала свою магию.

– Подумай о своей магии, и ты почувствуешь ее между грудью и животом, – услужливо подсказала кукла.

– Земля и звезды, – пробормотала Кассия, уже поднимая руки, чтобы наложить чары. – Я знаю, как накладывать чары.

– Могла бы и подыграть, – тихо ответила кукла.

Кассия снова рассмеялась – сначала от удивления, а потом от восторга, потому что произошло нечто чудесное. Она забыла подумать обо всех возможных неудачах, которые могут ее постигнуть, и, прежде чем смогла в них погрузиться, ее магия поднялась к горлу в ожидании слов.

– Блондинка, – поспешно пробормотала Кассия, представляя, как темные локоны куклы становятся светлее. – Блондинка, блондинка, блондинка.

Заклинание плавно слетело с ее языка и замерцало над куклой, и чары начали действовать. Начиная с кончиков, волосы куклы меняли цвет, пока ее локоны и замысловатый пучок на затылке не стали золотисто-желтыми.

У Кассии перехватило дыхание.

Затем чары исчезли, как изменчивая игра света.

– Нет.

С последним проблеском магии иллюзия развалилась.

Свет, отражающийся от светлых локонов, еще мгновение сиял золотом, а затем исчез.

Кассия вздохнула.

– Боюсь, это все, – сказала она, подходя, чтобы забрать куклу и убрать ее.

– Но мы только начали!

Кассия остановилась. Ей показалось, что она видела, как глаза куклы следили за ней. Они с куклой смотрели прямо друг на друга. Она попробовала отступить в сторону, и иллюзия была разрушена; стеклянные глаза безжизненно смотрели мимо.

– Еще одно заклинание, и тогда мы сможем поиграть, – сказала кукла. – Ты можешь наложить заклинание, чтобы вылечить мое лицо?

Исправление поломок было самой простой магией, настолько часто используемой, что метаморф в Камдене смог объяснить ей это, когда она была ребенком. Как бы глупо это ни заставляло ее чувствовать себя, Кассия не хотела, чтобы кукла видела, как у нее ничего не получается.

– Твое лицо прекрасно таким, какое оно есть, – сказала она, отворачиваясь.

И снова кукла некоторое время молчала.

– Но я хочу быть красивой, как ты.

Кассия осторожно оглянулась через плечо и вздохнула с облегчением, увидев, что кукла смотрит не на нее. Это была пустая, приятная болтовня, вот и все. Да, необычная, но

бояться нечего.

– Хорошо. В таком случае...

Кассия присела на корточки перед стремянкой, чтобы они с куклой были на одном уровне.

– У тебя есть какие-нибудь последние слова? – спросила она, проводя пальцем по трещине в фарфоре и снова думая о взорвавшейся банке. – На всякий случай.

– Мои последние слова таковы... Мне нравится твоя прическа.

– О.

Кассия определенно что-то себе нафантазировала; игрушка не могла бы таким задумчивым тоном высказаться о прическе Кассии, ведь она не могла ее видеть.

– Что ж, если мы обе пройдем через это, я обещаю, что сделаю тебе такую же.

Она отступила назад и призвала свою магию, представляя, как трещина в фарфоре исчезает. Соедини, велела она, и трещина на лице куклы начала затягиваться от подбородка вверх, как будто швея туго затягивала стежки. Кассия ждала. Зеленые глаза куклы вспыхнули золотом; отголосок магии? Что бы это ни было, заклинание сработало. Кассия вздохнула.

– Чудесно сделано, – сказала кукла.

Кассия не могла согласиться. Она снова вздохнула.

– Что-то случилось?

– Иногда мне везет, – сказала Кассия, пожимая плечами. –

Но это бесполезно, если я не могу воспроизвести результаты или понять, в чем проблема.

– Не волнуйся. Практика ведет к совершенству!

Кассия нашла брошенную метлу и начала сметать стекло и землю в кучу в углу. Непохоже, чтобы Джаспер мог пожаловаться на беспорядок.

– Я полагаю, что я исключение, которое подтверждает это правило.

– Ты чувствуешь свою магию, когда взываешь к ней? Между твоей грудью и животом?

– Я уже сказала тебе, что это так, – ответила Кассия, слишком сильно нажимая на метлу, отчего осколки стекла разлетелись по половицам.

– И ты четко держишь свое намерение в уме, когда...

– Пожалуйста, не надо. Все так хорошо начиналось.

Кукла сделала, как она просила, и замолчала. Кассия закончила свою попытку прибраться и почти забыла о кукле, как вдруг та снова заговорила.

– У некоторых людей меньше магии, чем у других. Это...

– Дай угадаю. «Тебе нечего стыдиться»?

Она знала, что говорится о силе в детских книгах заклинаний. Каждый рождается с определенным количеством магии. Тренировки могут отчасти компенсировать разницу, но исходное количество увеличить невозможно. Тогда детей заверяли, что у них есть и другие таланты.

Никто никогда не предупреждал вас, что другие таланты

далеко не так важны.

— На самом деле я собиралась сказать, что это несправедливо.

Кассия взглянула на куклу. На этот раз она определенно услышала резкость, пробившуюся сквозь сладость ее голоса.

— Я хочу помочь тебе.

— Хорошо.

Кассия собрала свою сумку и приготовилась улизнуть из Странствующего Места.

— Я ценю это.

— Ты же не собираешься оставить меня здесь, правда? — раздался голос, когда Кассия выудила из сумки ключ.

Это она и собиралась сделать. Она слишком взрослая, чтобы играть с заколдованной куклой; Джаспер сказал, что эта комната совершенно секретна, но если бы кто-нибудь застукал ее за обещанием поправить кукле прическу, она бы тут же умерла от унижения. Кроме того, кукле на самом деле было все равно, бросит ли Кассия ее или нарушит обещание. Она всего лишь неодушевленный предмет, просто заколдованный так, чтобы придать смутную видимость жизни.

И все же, кто бы ни околдовал ее, он сделал это невероятно умело. У маленьких двоюродных сестер Кассии были похожие куклы, но они не обладали ни чувством юмора, ни намеком на сарказм. Как вообще можно было придумать, чтобы объект, не имеющий настоящих глаз, сделал комплимент прическе? Это казалось довольно остроумно.

По этой и только по этой причине – и абсолютно не потому, что у нее в целом мире не было ни одного друга и даже того, с кем можно было поговорить, – Кассия сняла куклу со стремянки.

– У тебя есть имя? – спросила она.

– Меня зовут так, как ты захочешь.

– Я боялась, что ты это скажешь, – пробормотала она, укладывая куклу в сумку. Та оказалась слишком большой, чтобы поместиться полностью, и ее маленькая фарфоровая головка торчала сверху.

– Хорошо. Думаю, я буду звать тебя... Вайолет.

Глава 5

Когда Олливан прибыл в библиотеку на Бромптон-роуд в своем лучшем костюме, стояло еще раннее утро. Но в то же время в том, другом мире, уже наступил поздний вечер.

Когда он вошел, библиотекарь поднял глаза и удивленно заморгал. Олливан сделал не более трех шагов в глубь здания, как тот обогнул стол и поспешил к нему.

– Что ты здесь делаешь?

– Не волнуйся, Фредерик. Я всего лишь жду сообщения.

Скрестив руки на груди, Фредерик оглядел его с ног до головы. Он не даст себя запугать. Это был стройный мужчина с волосами мышиного цвета и усами. На его носу красовались очки в проволочной оправе. Библиотекарь до мозга костей. И не больше.

– Я доставлю его тебе, – сказал он.

– Ой.

Олливан улыбнулся.

– Только не это сообщение.

Фредерик покачал головой.

– Я не допущу, чтобы ты снова доставил мне неприятности, Олливан...

– И я не буду, клянусь честью.

Он положил руку на сердце.

– Ну же, Фредерик. Мы оба знаем, что ты не собираешь-

ся силой вытаскивать меня отсюда, по крайней мере, это не возымело бы успеха.

Фредерик поднял руку, и Олливан почувствовал магию.

– И у тебя выдалось слишком напряженное утро, чтобы пробовать что-то подобное, – добавил он, многозначительно оглядывая библиотеку. В главном зале было с дюжину человек, некоторые находились едва ли вне пределов их слышимости.

Фредерик покраснел, но опустил руку. Он был гордым человеком, который ценил свое положение и не хотел показаться некомпетентным. А Олливан специализировался на том, чтобы выставлять людей некомпетентными.

Бросив последний взгляд через плечо, Фредерик вернулся к своему столу. Идя в дальний конец помещения, Олливан чувствовал на себе настороженный взгляд библиотекаря. В промежутке между двумя полками, в часто игнорируемом разделе «политика» – часто игнорируемом, потому что он был плохо укомплектован; а плохо укомплектован он был именно по этой причине – висело большое и необычайно экстравагантное зеркало. Оно заполняло пространство от пола до потолка, выгибаясь вверху под медальоном с золотым тиснением в центре рамы, и было достаточно широким, чтобы четыре человека могли стоять бок о бок и видеть самих себя.

Олливан пододвинул к нему стул и сел в предвкушении, по его коже пробежала дрожь. Он восхищался поверхно-

стью стекла, совершенно обычной и в то же время совсем необычной – тем, как оно отбрасывало библиотечный свет под неожиданными углами, слабым голубым оттенком его поверхности. Кто-то прочистил горло. Олливан обернулся. Через ряд просветов между полками Фредерик наблюдал за ним из-за своего стола. Это конкретное зеркало всегда находилось в поле зрения Фредерика. Управление библиотекой было второстепенной обязанностью. Наблюдение за этим зеркалом – вот что было самым главным. Олливан поднял два пальца в знак приветствия, затем проверил время.

Уже скоро. Он поправил галстук и устроился поудобнее. Напряженный взгляд Фредерика продолжал сверлить его. Мысли Олливана снова вернулись к жареной утке. К нарциссам.

Прошли минуты, одна длиннее другой, прежде чем его внимание привлекло движение в зеркале. Кто-то приближался. Олливан встал.

Молодой человек, казалось, плыл между полками позади Олливана, проходя через один ряд за другим, будто сквозь миражи, пока не оказался в рамке посередине стекла. Затем перекинул ногу через раму зеркала и вышел в библиотеку.

Полсекунды спустя Фредерик выскочил в проход.

– А ты кто такой? – рявкнул он человеку из зеркала, глотая воздух после быстрого бега. Вероятно, для того чтобы быть библиотекарем и смотреть на зеркало, требовалось не так уж много физической активности.

– Вирджил Пайк, – бесстрастно произнес молодой человек, затем протянул письмо, зажатое между длинными пальцами. – Вы можете показать это дружинникам, когда они станут допрашивать вас.

Фредерик побледнел. Выхватил письмо и разорвал.

– Почему они будут меня допрашивать? – сказал он, повысив тон голоса.

Вирджил бросил свирепый взгляд на Олливана. Он был таким мрачным, что Олливан убедил себя – новости плохие. Так что облегчение, нахлынувшее после ответа, заставило юношу задрожать.

– Потому что Олливан Симс возвращается в Уизерворд.

Преподаватель позволяет тебе самостоятельно разбить чашку.

– Хорошо. А теперь почини.

Ты уже произносила это заклинание раньше. Это просто. Но сегодня Илиус и Эстер наблюдают за происходящим из окна гостиной. Неудивительно, что им любопытно: все здесь – метаморффы.

Все, кроме тебя.

Твоя магия расцветает у тебя в животе, а щеки горят. Могут ли они это увидеть? Кажется ли им странным то, как ты творишь свою магию? Ты не хочешь знать, поэтому возвращаешь ее обратно.

– Что случилось? – мягко спрашивает тебя наставник.

*– Это слишком сложно, – бормочешь ты.
Это не ложь.*

Глава 6

ДВУМЯ ЧАСАМИ РАНЕЕ

– Как я выгляжу?

Кассия драматично повернулась, юбка платья развевалась вокруг нее. Оно было из бледно-розового атласа, с рюшами цвета фуксии на вырезе и по краям каждого слоя юбки. Она его просто ненавидела.

– Ты выглядишь божественно, – мечтательно произнесла Вайолет.

Кукла лежала на отделанных кружевом подушках Кассии, поверх розового парчового покрывала, которое девушка тоже ненавидела. Два года назад ее мать наполнила дом изобилием роскошной одежды, безделушек и обновила ремонт в спальне, и до сих пор демонстрировала свою привязанность именно посредством подарков. Платье к посвящению было самым последним. Если когда-либо и существовала возможность дать матери понять, что она предпочитает темные цвета и непритязательные ткани, то Кассия ее уже упустила.

– Я бы с радостью отдала его тебе, – сказала Кассия кукле, – но не думаю, что это твой размер.

– И на мне оно не выглядело бы так красиво.

В любопытстве наклонив голову, Кассия встала прямо перед неподвижными стеклянными глазами Вайолет.

– Как так получается, что ты можешь видеть меня?

Вайолет мелодично рассмеялась.

– У меня есть глаза.

– Да, но...

Кассия не хотела ее обидеть, как бы глупо это ни звучало.

– Я полагаю, это часть твоего заклинания, не так ли?

Она отступила в сторону, исчезнув из поля зрения Вайолет, и помахала рукой там, где должно было быть ее слепое пятно.

– Как много ты можешь видеть?

– Я вижу, как ты машешь мне пальцами, как будто пытаешься привлечь мое внимание. И я вижу, что эти букеты цветов перевернуты.

Кассия оглянулась через плечо и рассмеялась.

– Ну, да, это так. Они сохнут.

Хобби Кассии могло стать одной из причин, почему мать ошибочно приняла ее за любительницу дамских вещичек. На рабочем столе Кассии были разложены засушенные цветы, рассортированные по банкам в зависимости от вида. Еще больше свисало пучками с веревки, прикрепленной к стене, и не меньше было спрятано между страницами книг, которые лежали стопками, утяжеленные всеми вещами, какие только Кассия смогла найти.

В центре письменного стола находилось несколько неза-

конченных «проектов»: засушенные цветы, искусно расставленные между двумя стеклами или вклеенные в тетради рядом с заметками и размышлениями. Еще больше букетов стояло в вазах по всей комнате, а также в комнатах ее друзей и знакомых, которые получали их – немного озадаченные – в качестве подарков.

Среди цветов и веточек были и другие природные «артефакты», которые доставляли ей не меньше радости. Птичье гнездо. Олений рог. Змеиная кожа. Кости животных, которые она разложила на квадратах черного бархата: их скелеты были неполными, и Кассия ждала, когда в садах и парках и во время поездок за город удастся найти еще экземпляры.

Она взяла веточку лаванды из одной из банок.

– А как насчет других чувств? Ты, конечно, можешь слышать.

Она поднесла лаванду поближе к лицу Вайолет.

– Ты чувствуешь запах?

– Я знаю, как пахнет лаванда, – сказала Вайолет. – Это немного другое.

– Но ты осознаешь разницу? Понимаешь, как работает твой разум и что именно ты можешь почувствовать?

– На самом деле проблема лишь в том, что у меня нет ноздрей.

Кассия рассмеялась так неожиданно, что фыркнула.

– Да. Я полагаю, в этом и есть разгадка.

Она повертела лаванду в пальцах, раздумывая, как бы

еще раз проверить границы заклинания Вайолет. Сложное и изобретательное заклинание куклы сильно заинтересовало ее. Сможет ли она когда-нибудь сотворить подобную магию?

– Воспоминания, – сказала она. – У тебя есть воспоминания?

Наступила тишина, которая, казалось, стала тяжелой.

– Некоторые воспоминания, еще до всего. Была женщина в магазине, которая сделала меня и много других кукол, но они все были разными. Я принадлежала маленькой девочке, которая стала старше, потом, кажется, ее сыну, потом еще одной маленькой девочке. А потом меня украли.

– Тебе грустно, что тебя украли?

Это казалось логичным вопросом, хотя Вайолет и изложила этот факт с безупречной веселостью.

– Воровать неправильно, – объявила кукла. – Я не принадлежала этому молодому человеку.

– Да, но тебя это огорчило?

– Я не помню.

Она ясно продемонстрировала свое безразличие – радость в ее голосе слегка смягчилась.

– Как долго ты пробыла в том чулане, прежде чем я нашла тебя?

– Я не знаю, – сказала Вайолет. – Некоторое время до и некоторое время после.

Кассия нахмурилась. Ей чего-то не хватало.

– Ты сказала, у тебя есть воспоминания о прошлом «до

всего». Что это значит?

– До того, как я была заколдована, конечно. Во второй раз.

– Во второй раз.

Кассия пристально посмотрела на куклу, как будто ее история могла проявиться в кудрях или странном блеске, который она видела в ее глазах. Неужели Джаспер расколдовал, а затем снова заколдовал куклу в качестве какого-то магического упражнения? Не поэтому ли чары были так хороши?

Но у Кассии не было времени выяснять это. Мать позвала ее вниз.

– Пожелай мне удачи.

– Тебе не нужна удача, – сказала Вайолет. – Ты можешь сделать все, что пожелаешь.

– Как тебе платье?

Мать Кассии, Алана Симс, стояла позади нее в зеркале в прихожей и восхищалась дочерью.

– Оно прекрасно, – солгала Кассия с улыбкой на лице.

Ей казалось странным, что одежда, которую выбирала для нее мать, всегда была девичьей, поскольку сама Алана никогда в жизни не носила платья. Сейчас на ней были брюки, которые этим вечером она лихо сочетала с расстегнутым жилетом и мужской рубашкой, которая казалась ей велика. Ее волосы – такие же черные, как у Кассии, но вьющиеся и непослушные – были распущены и доходили ей до плеч. Должно быть, она считала свою дочь такой непохожей на нее саму,

такой странной и непонятной. Было обидно, что, столкнувшись с необходимостью заново знакомиться с дочерью, мать Кассии предпочла вместо этого баловать ее красивыми подарками.

– Только подумай, – сказала Алана, – через два года ты сможешь баллотироваться на пост президента Общества.

В другое время Кассия, возможно, рассмеялась бы, но из-за нервов и надетого на нее розового чудовища слова Аланы показались ей еще одним ударом. Если мать и правда в это верила, то она, должно быть, находится в состоянии отрицания. Иначе она не могла бы поверить, что такое возможно. А значит, правда – то, что ее дочь в Харте была никем, – была для нее проклятием.

– Я вряд ли гожусь в президенты, – сказала Кассия.

– Чепуха. Три поколения этой семьи в то или иное время были президентами Общества молодых одаренных чародеев.

Включая саму Алану и дедушку Кассии, Джупитуса, который был президентом, а в течение последнего года своего пребывания на этом посту еще и верховным чародеем Харта. Это было то наследие, к которому Кассия могла либо полностью принадлежать, либо быть окончательно от него отдалена.

И тебе придется смириться с тем фактом, что твои дети ими не будут, – не сказала она, выходя на улицу встречать свой экипаж.

Большая гостиная в Странствующем Месте была украшена подобающе самой важной ночи в ее календаре. Гобелены с изображением герба Общества – дверным проемом, окруженным веером ключей, олицетворяющих возможности, – висели вдоль одной стороны комнаты, прямо за помостом, на котором будет назван новый президент. Шелковые гирлянды были обвиты вокруг резных колонн и по всей длине банкетного стола. Зал был битком набит преемниками и особыми гостями, которых пригласили стать свидетелями событий этого вечера.

Более ста человек будут наблюдать за посвящением Кассии.

Она проверила свой внешний вид в зеркале в коридоре. Розовый цвет ее платья контрастировал с зеленью глаз и никак не гармонировал с бледным цветом лица. Не то чтобы какое-нибудь платье могло скрыть ее тошнотворную бледность, не говоря уже о жалкой баночке с землей, зажатой в сгибе локтя.

Но все это было неважно. Кассия вошла в холл и встала на цыпочки, чтобы поискать Джаспера. Она заметила, как он заполнил свой бюллетень на бумаге из орехового дерева и опустил в сундук, с помощью которого должны объявить победителя президентских выборов, также проходивших этой ночью. Сундук является реликвией Общества, организации куда более древней, чем ее дед, но навсегда связанной с Джупитусом Фиском. Именно благодаря преданному покрови-

тельству ее бабушки Общество пользовалось таким авторитетом. Сейчас в нем не так много членов, как во времена былой славы, но на протяжении всего своего правления Джупитус поощрял молодую элиту Общества так же, как он делал это в самом начале своего пути, более пятидесяти лет назад. Именно он должен выявить победившего кандидата с помощью знаменитого заклинания, давным-давно наложенного на сундук, и бюллетеней из орехового дерева внутри его.

Когда Джаспер обратил свой взгляд внутрь помещения, Кассия умоляла его обратить на нее внимание. Но это уже сделал кое-кто другой. Каждый разговор по левую сторону от нее стих, и она почувствовала, как помещение наполнилось отголосками невысказанного страха. К ней подошла свита телохранителей, отмеченных большими золотыми булавками на лацканах как члены дружины чародеев, а посреди них находилась причина тишины.

– Дедушка, – сказала Кассия, когда он остановился перед ней.

Однажды ей сказали, что человек носит свою репутацию либо как доспехи, либо как цепи. Джупитус Фиск превратил ее в самую прочную боевую одежду, отполированную до ослепительного блеска. Он не был физически внушительным мужчиной; высокий, но не слишком; с прямой спиной и широкими плечами. Его серебристые волосы были тщательно расчесаны на пробор с одной стороны и уложены маслом,

усы были аккуратны. Густые, ухоженные брови, которые, казалось, никогда не двигались и ничего не выражали, располагались над светло-серыми, почти серебристыми глазами.

Он окинул ее взглядом.

– Я надеюсь, ты уверена в своем успехе на посвящении.

Не вопрос, скорее угроза.

Кассия затолкала тошнотворное чувство в животе еще глубже и улыбнулась.

– Совершенно уверена, дедушка.

Легкое движение его головы выражало удивление. Кассия не знала, что хуже: то давление, которое на нее оказывали, или та покорность, с которой она все принимала.

Прежде чем у нее возникло время придумать, что еще сказать, один из стражников наклонился к уху Джупитуса.

– Лорд Восс прибыл, сэр, – прошептал он.

А потом ее дедушка снова исчез. В этот раз он уделил ей так же мало внимания, как и всегда. И, как и при каждом их общении, Кассия чувствовала, что ей чего-то не хватает. Она наблюдала, как он приветствовал вновь прибывшего; Джерихо Восс – правитель фракции телепатов. Телепаты умели читать мысли и манипулировать ими. Это особая магия, которая заставляла другие фракции относиться к ним настороженно. Несмотря на то что Принципы гласили, что никто не может использовать свою магию за пределами территории своего народа – включая их правителя, большинство других гостей обходили делегацию телепатов стороной. Но верхов-

ный чародей никогда не упускал возможности наладить деловые связи и делал это при каждом удобном случае. Кассия гадала, какую выгоду ее дедушка извлекал из того, что пригласил сюда этих гостей. Возможно, хотел показать лучших членов своей фракции.

– Как говорится, второй раз – удачный.

Кассия повернулась и увидела перед собой одного из членов Общества, Льва Мэллори. Среди ее сверстников встречались те, кто был слишком вежлив, чтобы шептаться в пределах ее слышимости. Реже встречались те, кто предпринимал попытки вести разговор, даже когда их друзья замолкали и атмосфера становилась неловкой.

Самым редким видом был Лев, который, вероятно, никогда в жизни не пренебрегал улыбкой или неловким разговором. Его голос и смех, казалось, никогда не смолкали и разносились за милю, и это казалось слегка странным, ведь юноша был невысок и худощав. У него была мягкая приятная внешность, и, если его удавалось застать со спокойным выражением лица, можно было разглядеть узкие черные глаза и широкий рот. Во все остальное время, в том числе сейчас, он блистал очаровательной улыбкой.

– Для чего эта банка?

– Это сюрприз, – парировала Кассия, которая почувствует себя еще хуже, если ее заклинание провалится после того, как она о нем кому-то расскажет. Она крепче прижала банку, чтобы скрыть росток внутри.

– Чудесно! Я люблю сюрпризы.

Он огляделся и наклонился ближе, но едва ли смог понизить свой гулкий голос.

– Но если ты хочешь знать, что приготовили другие, я собрал все подробности. Я поговорил с ними со всеми.

Кассия озадаченно улыбнулась.

– Если ты любишь сюрпризы, почему ты их расспрашивал?

– Просто проявил дружелюбие, – сказал Лев. – Тот парень, Клемент, смотрел на нас всех так, словно мы бешеные тигры, благослови его звезды. Итак, ты хочешь знать?

Она чуть не сказала «да», но передумала. Она не соперничала с другими участниками, но если бы их заклинания оказались слишком впечатляющими, она бы потеряла остатки своей уверенности.

– Спасибо, но думаю, мне лучше остаться в неведении.

Лев кивнул, его улыбка стала понимающей.

– Ты нервничаешь, не так ли?

– А ты бы не переживал? Рискую опозориться на глазах у всего Общества?

– Что бы ни случилось, наслаждайся этим.

Кассия кивнула, но совет любого, кто мог наслаждаться жизнью, будучи осужденным аудиторией своих сверстников, вероятно, был не для нее.

– Посвящение – скорее представление, чем демонстрация магических способностей. Ты знаешь, что я обладаю сме-

шанной магией?

Она кивнула. Кассия знала это о Льве, как и про нее знали, что она выросла в Зоопарке, резиденции правителей Камдена. И так, все знали, что его отец был чародеем, а мать – телепатом. Человек мог унаследовать только один вид магии, но она часто была ослаблена, а иногда и вовсе отсутствовала.

– Я не так силен в магии, но я прошел свое посвящение, устроив шоу. Все, что я сделал, это зачаровал свой второй костюм, чтобы танцевать и дурачиться. Мы танцевали вальс. И еще я поработал с зеркалом.

Лев изобразил, как машет своему отражению, и встревожился, когда оно помахало в ответ.

– И для преемников этого было достаточно? – спросила Кассия.

– Да, для большинства из них! Я собрал достаточное количество голосов.

Это оживило в воображении Кассии сценарий, который заставил ее желудок попытаться сбежать через рот.

– Но получается, что сейчас ты окружен сверстниками, которые проголосовали за то, чтобы ты не был принят. Это не лучше, чем быть отвергнутым.

– О звезды, посвящение – это не так серьезно, как ты думаешь! – сказал Лев. Он указал на ближайшего преемника и окликнул его.

– Райденхоур не голосовал за меня, не так ли, Райденхоур?

Райденхоур, с набитым закусками ртом, добродушно пожал плечами и выплюнул несколько крошек, бормоча извинения.

– Видишь? В посвящении нет ничего личного. Это просто забава.

Кассия крепче сжала свою банку.

– Я боюсь, что это не так, когда ты уже однажды потерпел неудачу.

Улыбка Льва погасла, и он кивнул.

– Они крутая компания, не так ли? Я знаю, что ты чувствуешь.

Серьезно? Лев Мэллори, душа каждой вечеринки, знал, каково это – жаждать признания своих сверстников? Это было трудно понять, и все же Кассия думала, что он понимает. Молодые чародеи Харта не принимали ее, потому что видели в ней наполовину метаморфа, но Лев буквально принадлежал к другой фракции в той же мере, что и к их. Казалось, он прочитал эти мысли, когда они промелькнули на ее лице, и рассмеялся.

– Тебе просто нужно найти в себе еще какую-то особенность, Кассия.

– Что-то еще?

– Особенность, что компенсирует то, чего они в тебе не видят. То, о чем они могут говорить вместо всего этого. И не беспокойся о посвящении. Если все пойдет не по плану, всегда есть следующий год. Все дело в звездах.

Все дело в звездах. Кассия не придавала большого значения астрологии, но постоянно слышала это от верящих в нее. Она неуверенно улыбнулась, но у Льва все было по-другому. Для него Общество молодых одаренных чародеев – развлечение. Для Кассии это самое желанное событие.

– И какова твоя особенность, Лев?

– Разве это не очевидно?

Он указал на свое лицо и расплылся в привычной ухмылке. Затем отвернулся и указал на другого преемника в дальнем конце комнаты.

– Бакстон! – проревел он. – Круто вчера сыграл!

И Лев ушел, пробираясь сквозь толпу, которая улыбалась ему в ответ, когда он проходил мимо. Если Лев смог принадлежать этому месту, то Кассия тоже смогла бы, но ей пришлось бы делать это без помощи харизмы. Она никогда не умела быть особенно дружелюбной.

Зазвенел бокал – кто-то призвал большую гостиную к вниманию. Хелия Рэдлин, уходящий президент Общества, поднялась на помост.

– Преемники, посвящаемые и почетные гости, – начала Хелия с непринужденным спокойствием. Последние разговоры стихли, и зал обратил на нее свое внимание.

– Сегодняшний вечер – вдвойне особенное событие для Общества, поскольку день выбора моего преемника совпадает с нашей весенней инициацией. Я надеюсь, что вы сможете потерпеть меня в качестве вашего президента еще несколько

минут, поскольку мы начнем с последней части.

Возгласы поддержки перемежались смехом. Хелия отмахнулась от них и приняла мрачный вид.

– Мой долг, во-первых, рассказать нашим посвящаемым о наследии, частью которого они становятся сегодня вечером. На этом самом месте более пяти столетий назад шесть наших основателей собрались с намерением основать учреждение для продвижения талантов и улучшения жизни каждого поколения лондонских чародеев по мере их взросления. Они основали наше священное Общество здесь, в доме, который называли Странствующим Местом; доме с четырьмя важными комнатами.

Она подняла руку и сосчитала комнаты на пальцах.

– Библиотека, чтобы питать разум каждого члена Общества; общая комната, чтобы они могли обмениваться идеями и налаживать дружеские отношения; гостиная, чтобы принимать величайших лидеров, мыслителей и новаторов современности; и столовая... – тут раздались одобрительные возгласы в адрес четвертой комнаты, и, когда Хелия закончила, к ним присоединилось еще больше голосов – потому что полный желудок укрепляет магию и разум.

– Легенда гласит, что основатели построили Странствующее Место как обычный двухэтажный дом и заколдовали, чтобы закрепить в сознании каждого, кто вошел внутрь, слова Общества: *С помощью магии – возвысимся*. Но чары обрели свой собственный разум, и по мере развития Обще-

ства развивалась и наша штаб-квартира. Точно так же, как каждое поколение преемников добавляет новые ветви на наше общее древо, так и Странствующее Место разрастается все больше и больше, являясь зеркалом растущего наследия Общества молодых одаренных чародеев. Сегодня вечером мы снова приумножим это наследие. Пять молодых чародеев заявили о своем желании присоединиться к нашему числу. Но позволим ли мы присоединиться преемникам, не убедившись в их мужестве?

– Нет! – хором воскликнули члены Общества и затопали ногами. Казалось, вся комната покачнулась.

– Нет, конечно, нет. Каждый должен продемонстрировать свое мастерство в нашей магии и быть признан достойным этого престижного членства. И кто должен решить, пройдут ли они испытание?

– Это сделаем мы!

Больше топота. Кассия обхватила второй рукой свою банку с землей, так как первая уже стала скользкой от нервного пота. Она сжала колени, боясь, что силы покинут ее и она рухнет на пол.

– Члены Общества, пожалуйста, соберитесь перед помостом. Если наши уважаемые гости будут так любезны, не могли бы вы, пожалуйста, расположиться напротив, перед окнами.

Но как насчет посвящаемых? Когда толпа разделилась надвое и центр зала освободился, Кассия заколебалась, пово-

рачиваясь то в одну, то в другую сторону, пока ее взгляд не остановился на еще одном растерянном человеке, в руках у которого был зажат стеклянный кувшин. Реквизит для заклинания. Когда юноша выбрал «гостевую» половину комнаты, Кассия последовала за ним.

– Наши потенциальные новые участники будут вызывать-ся по одному, чтобы продемонстрировать свое заклинание для всех нас, – сказала Хелия с помоста, – но, пока мы выносим свое решение, просим гостей сохранять спокойствие. Итак, первый – Обри Кай.

Обри выглядел всего на пятнадцать, а значит, только-только получил право присоединиться к Обществу. Когда он отделился от толпы у окон, двое или трое гостей попытались захлопать. Кассия не была одной из них. В прошлом году она была первой, кого вызвали, и слишком хорошо помнила уязвимую, абсолютную тишину, воцарившуюся, когда она вышла на середину комнаты. Единственный звук издавали ее собственные каблуки, звучащие так, словно она слепо маршировала навстречу своей гибели. Те, кто хотел похлопать, довольно быстро стихли, и Кассия поняла, что они тоже это почувствовали – изменение в воздухе. Все веселье речи Хелии испарилось. То, что происходило дальше, было священным.

Священным и ужасающим.

Реквизитом Обри была обычная на вид свеча. Участникам не разрешалось говорить во время инициации: ни объяснять

свое заклинание, ни оправдываться, почему оно пошло не так, поэтому никто не мог знать, что собирался сделать Обри.

Он поставил свечу в центр комнаты, достал из кармана коробок спичек и зажег фитиль. Свеча с шипением загорелась и выпустила в воздух густой столб дыма цвета индиго. Обри присел на корточки у свечи, и его лицо стало непроницаемым и сосредоточенным. Он уставился на дым, вытянув одну руку, и его пальцы начали медленно двигаться, как будто он перебирал струны арфы.

– О, – выдохнул мужчина рядом с Кассией.

Она проследила за его взглядом вверх. Только сейчас все начали понимать, что волшебство происходит не перед Обри, а выше.

Вместо того чтобы рассеиваться по мере остывания, дым принимал форму. Над свечой оживали изящные полуночные создания. По воздуху прыгали кролики, за которыми вились струйки дыма. Они спускались до тех пор, пока не оказывались среди ног зрителей, которые смеялись и шарахались в сторону, когда те прыгали по залу. Размахивая хвостами, рыскали лисы; кошки набрасывались друг на друга. Там были и птицы, описывающие круги над головами собравшихся. Змея обвилась вокруг ноги мужчины, и тот, настороженно наблюдая за ней, пытался смеяться вместе со своими друзьями.

Дымовой зверинец Обри просуществовал всего пару ми-

нут, после чего мальчик задул свечу, пересек комнату и открыл окно. По мановению руки его творения послушно потянулись к нему и, проскользнув в окно, снова превратились в дым и растворились в воздухе.

Кассия чувствовала, как наблюдатели вокруг нее сопротивляются желанию снова захлопать в ладоши, но она не могла разделить их восторг. Ей было далеко до Обри.

– Члены Общества, – сказала Хелия с помоста. – Да или нет?

– Да! – единодушно ответили они хором, и только тогда зал взорвался радостными возгласами. Краткий миг радости и поздравлений благословенно рассеял напряжение, но сердце Кассии забилося еще сильнее. Если, чтобы ее приняли, она должна была быть не хуже Обри, девушка была обречена.

У следующей участницы не было реквизита. Она вышла в центр комнаты одна и закружилась. Юбки ее кроваво-красного платья элегантно развевались. И снова воцарилась тишина, полная ужаса напряженность, поскольку ничего не происходило и никто не издавал ни звука. Но затем она снова повернулась, и когда свет упал на атлас ее платья, оно вспыхнуло желтым. С каждым поворотом ее платье переливалось другими цветами радуги: оранжевым, фиолетовым, зеленым. Фуксия, нефрит, лазурный. Она завершила показ тем, что ее платье заиграло всеми цветами сразу, как радуга, отражающаяся от океанской ряби. Когда ткань снова стала красной, участница повернулась к помосту и собравшимся

перед ним членам Общества.

– Да или нет?

– Да!

И вот были вызваны следующие два испытуемых. Каждый раз сердце Кассии подпрыгивало в ожидании своего имени, и каждый раз ей оставалось медленно успокаиваться. Пока приступ ужаса затихал, ее руки дрожали.

Только предпоследний участник, Клемент, не сумел про-
извести впечатления. Это был мальчик с кувшином, которого заметила Кассия. Он попытался превратить стекло в лед, нарушив негласное правило делать посвящение зрелищным. Возможно, его никто не предупредил. Кувшин Клемента по-
крылся инеем, и от его дыхания воздух запотел, но никто не понимал, сработало заклинание или нет, пока одна половина кувшина не растаяла, обратившись водой. Те, кто был ближе всех, отступили назад или приподняли юбки. Секунду спустя остальная часть кувшина тоже превратилась в воду, и Хелия положила конец его страданиям, подняв руку. Если Клементу и было, чему порадоваться, так это тому, что он явно не попал в ситуацию, когда от членства в Обществе его отделяли бы всего несколько голосов «против».

– Нет! – раздался громкий крик еще до того, как Хелия задала вопрос. Гости отвели глаза, а Клемент забрал полагающуюся ему детскую книгу заклинаний и вернулся в свою часть комнаты, опустив голову. Кассия прикинула, что ему не больше шестнадцати; у него еще достаточно шансов.

– И перейдем к нашему последнему участнику. Кассия Симс, просьба выйти вперед.

Толпа расступилась, чтобы пропустить Кассию в центр комнаты, где один из младших членов Общества с помощью магии убирал беспорядок, оставшийся после Клемента. Кассии показалось, что это сотни внимательных глаз превратили Клемента в лужу на полу и собирались сделать то же самое с ней. Единственный способ, благодаря которому она могла ставить одну ногу перед другой, – это смотреть только на то место, куда она поставит свою банку с землей. Когда она это сделала, тишина стала абсолютной; Кассия была уверена, что эта тишина была более громкой, чем та, что сопровождала других претендентов. У нее кружилась голова, в горле пересохло. Она гадала, слышали ли ближе всего стоявшие к ней люди, как она сглотнула.

Одно заклинание. Всего одно заклинание, и все изменится.

Ее внимание привлекло движение среди членов Общества. Джаспер стоял немного поодаль от остальных, на краю комнаты. Он переместился в поле ее зрения, чтобы поймать ее взгляд и одарить улыбкой. Она отметила, что он довольно спокоен. Он думал, что у нее все получится. Краем глаза она невольно заметила своего дедушку.

Что ж, по крайней мере, хоть кто-то здесь в нее верит.

Кассия сосредоточилась на банке на полу и ни на чем другом. Намерение ясно и твердо прозвучало в ее сознании, и магия пробудилась. Она была готова. Она готовилась к это-

му неделями.

Она протянула руку к банке, стараясь не обращать внимания на то, как дрожит – просто нервы, это было ожидаемо, – и призвала свою магию течь сквозь пальцы: *расти и цвети*.

Сначала она увидела корни; маленькие белые побеги, появляющиеся из почвы и покрывающие внутреннюю поверхность стекла. *Да*, подумала она, и ее облегчение проявилось в прерывистом выдохе. *Продолжай*.

Росток розы на мгновение задрожал, а затем замер. Такое бывало во время тренировок. Небольшие паузы перед очередной волной роста, если только она сохранит концентрацию. У нее перехватило дыхание, когда она попыталась представить себе нужный результат, но ее предательский мозг показал другую картину: разбитое стекло, рассыпанную землю, неуверенно качающих головами людей. Ее поразило настолько очевидное осознание, что она задалась вопросом, как она раньше этого не поняла: молодому чародею не обязательно быть таким уж одаренным в магии, если у него были друзья в Обществе, которые могли за него проголосовать.

Сосредоточься, закричал отчаянный голос в ее голове, и Кассия вновь сконцентрировала всю силу своей воли на банке, яростно используя свою магию, чтобы восполнить упущенное. Когда самый тонкий, крошечный побег ростка выпустил свой первый нежный листок, произошло сразу несколько событий.

Кто-то позади нее задвигался. Хелия, скучающая и при-

влекаящая внимание членов Общества, чтобы призвать к голосованию? Но нет, участники были на другой стороне комнаты; это был просто гость, переместившийся, чтобы лучше рассмотреть представление. Но в ту секунду Кассия осознала, что она не была – как она сказала своей магии – одна. Она была в комнате, полной людей, которые оценивали то, чего она смогла добиться, вернувшись в Харт. Она попыталась сопротивляться желанию взглянуть на их лица, на лица выстроившихся перед ней людей, и потерпела неудачу. Ее взгляд был беспомощно прикован к движению руки одного из членов Общества, когда он поднял ее, чтобы прикрыть рот ладонью и прошептать что-то на ухо своему другу.

Не подведи меня, взмолилась она своей магии, когда ощутила себя в клетке, сквозь прутья которой выглядывали любопытные лица. *Пожалуйста, не подведи меня снова.*

Но это произошло. Нет, не было драматично разбивающегося стекла, или разлетающейся почвы, или переплетения вышедших из-под контроля ветвей. Просто жалкая горстка листьев на ее саженце увяла. Корни сморщились и стали коричневыми. Нет, Кассия не сдавалась. Она просто потерпела поражение.

Звук вопроса Хелии был глухим бормотанием на фоне стука крови в ушах. И вот она стояла, жалкая и проигравшая, посреди комнаты. Подними она глаза, и увидела бы, как окружающие, спрятав глаза, голосуют «против». Единственное место, куда она могла смотреть, это та часть комнаты,

где стоял Джаспер. И именно поэтому она знала, что он не проголосовал. Его опущенный рот открылся на вдохе, когда раздалось «нет», но в последний момент он не издал ни звука. Возможно, это было к лучшему. Возможно, голос, который он хотел отдать, был бы несправедливым.

Когда кто-то протянул ей детскую книгу заклинаний, Кассия почувствовала, как скрутило живот, и что глаза у нее на мокром месте. Стоило моргнуть, и она бы заплакала посреди собрания, у всех на глазах. Но у нее было время добраться до двери, поэтому она развернулась на каблуках и побежала прочь.

Когда Кассия переступила порог, кто-то поблизости выкрикнул ее имя. Она пыталась не обращать на это внимания – ее слезам больше не было дела до того, моргала она или нет. Первые слезы уже свободно падали на щеки, такие же непокорные и своенравные, как забытая звездами магия, но твердая рука схватила ее за локоть, и она развернулась, оказавшись лицом к лицу с верховным чародеем.

– Тебе лучше остаться и больше не портить вечер, – сказал он тихим голосом. Кому-то могло показаться, что у него просто хватило здравого смысла не привлекать еще больше внимания к ее неудаче, раздувая из мухи слона. Но Кассии было хорошо знакомо его разочарование, и она видела это по тому, как он смотрел не на нее, а сквозь. У Кассии была возможность вырасти в его глазах, и теперь, когда она потерпела неудачу, дедушка вернулся к более серьезным заботам,

даже когда она стояла прямо перед ним в слезах.

– Заводи знакомства, – скомандовал он. – Магия – это еще не все.

Каким-то образом его полный отказ замечать ее слезы вытащил Кассию из волны жалости к себе.

– Дедушка, – начала она дрожащим голосом, – я правда хочу пойти домой.

Он наклонился ближе, еще больше понизив голос.

– Ты в Странствующем Месте, Кассия.

Он редко называл ее по имени, а когда называл, это звучало как выговор.

– Ради звезд, пообщайся со своими сверстниками, прояви благоразумие и извлеки из этого вечера максимум пользы.

Он не имел в виду, что это должно быть нечто полезное для нее самой, и точно знал, сколько усилий Кассия уже приложила к тому, чтобы наладить общение со своими сверстниками. Кассия четыре раза слышала, как Джупитус и ее мать обсуждали, насколько она непопулярна, и это не считая тех раз, что прошли мимо ее ушей. Но Кассия была его крови, и, с точки зрения дедушки, это означало, что у нее был долг перед ним и его репутацией, так что она должна выполнять его приказы.

Она так и делала.

Когда Джупитус увидел, что она немного успокоилась, то отвернулся, и Кассия поспешно вытерла влагу со щек и подняла подбородок.

Когда все остальное терпит неудачу, остается злоба.

Эти слова принадлежали правителю другой фракции в другой жизни. Злоба – вот что советовала Эстер Рейвенсвуд, правительница метаморфов, когда больше не из чего было черпать силы. Однажды, когда Кассии было семь лет, сын одного из дружинников Камдена толкнул ее. С поцарапанными ладонями, она побежала к своей няне, и женщина сказала, что мальчики так себя ведут, когда им нравишься. Это заставило Кассию начать плакать еще сильнее; все, чего она хотела, – это чтобы пара рук крепко обняла и сказала, что она под защитой, а няня этого не сделала.

Как и Эстер. Кассия сомневалась, что у альфы Камден Тауна хватит духу утешить плачущего ребенка. Когда Кассия увидела ее в дверях, слушающую, что говорит девочке няня, то ждала, что Эстер с отвращением отвернется от ее слез. Это вполне соответствовало тому, как она обычно вела себя с маленькой девочкой, которая, строго говоря, вообще-то была ее подопечной.

Но Эстер вошла в детскую и взяла Кассию за запястье, чтобы не поранить израненные ладони. Это был первый раз, когда Эстер прикоснулась к ней. Затем она прошествовала через дом, а Кассия трусцой бежала следом. Кассия поняла, что они направляются в сад, обратно к злобному мальчику, который толкнул на землю.

– Нет! Я не буду с ним играть.

– Нет, с ним ты определенно играть не будешь, – сказала

Эстер командным голосом, хотя лишь подтвердила сказанное Кассией. – Но ты будешь играть. Ты будешь играть, потому что этот щенок не сможет тебя остановить. Он жалок и недостойн твоего внимания, ты понимаешь?

Затем она опустилаcь на колени, так что они оказались лицом к лицу.

– Играй назло ему, потому что у него нет силы остановить тебя.

Тогда она снова прикоснулась к ней – во второй раз, положив два пальца под опущенный подбородок Кассии и приподняв его.

– Когда все остальное терпит неудачу, остается злоба, – сказала она с лукавой улыбкой. – Понимаешь?

И Кассия поняла. Мысль о том, чтобы уступить желанию бабушки и остаться, томясь в своем собственном унижении, заставила ее горло сжаться, и жалость к себе вновь угрожала поглотить. Ей было не место в этой комнате, но она могла назло всему поднять голову. Она могла бы со всем этим справиться.

Вечер шел; пространство в середине комнаты было занято людьми – гости и члены Общества вперемешку стояли у помоста. Джупитус разговаривал с секретарем Общества, в чьи обязанности входило отстегнуть золотой значок президента от воротника Хелии и прикрепить его новому владельцу.

Джаспер разговаривал с другим участником в дальнем конце комнаты. Его глаза больше не искали ее, и Кассия об-

наружила, что чувствует себя в равной степени преданной и спокойной. Она не знала, как ей снова встретиться с ним лицом к лицу после того, как он не смог заступиться за нее.

Лев поймал ее взгляд и протиснулся сквозь толпу гостей, чтобы встать перед ней. Он держал ее банку с землей.

– Я не знал, захочешь ли ты ее забрать, – сказал он.

Кассия пробормотала слова благодарности и взяла банку.

– В следующий раз, я уверена, – автоматически сказала она. Она слышала это пустое высказывание два десятка раз после своей последней неудачи и хотела опередить Льва. Но она вложила недостаточно фальшивых эмоций в эти слова, и они прозвучали слишком резко.

Лев улыбнулся.

– О, в следующий раз точно.

Она была избавлена от дальнейшего проявления его доброты, потому что Джупитус ступил на помост и в большой гостиной воцарилась тишина. Пришло время для того самого события, по причине которого верховный чародей и был здесь. Он встал за урной для голосования, которую перенесли в переднюю часть помоста.

– Преемники, старые и новые, – сказал он, дружелюбно кивая новым членам Общества, которых он мог выделить в толпе. – Гости. Общество молодых одаренных чародеев существует уже пять столетий, и все это время оно олицетворяет наше место в этом городе и возвещает о новой магии, новых талантах и вступлении во взрослую жизнь наших вы-

дающихся умов и будущих лидеров. Настало время для священной традиции открывать новое, поскольку Общество выдвигает одного из своих членов на должность президента. В течение следующих двух лет этот человек будет прокладывать путь вперед для вас, молодых преемников, и вести к будущему. Кто знает, может быть, когда-нибудь он даже станет верховным чародеем.

В ответ на это раздался щедрый взрыв понимающего смеха. Все знали, что следующим верховным чародеем должна была стать Алана Симс. А после нее? Кассия посмотрела на свою банку с землей. Если дедушка и нашел ее лицо в толпе в этот момент, она не хотела видеть, что читалось в его взгляде. Кто бы ни взял на себя роль Аланы, были ли они в этой комнате или нет, все слушающие знали, что им станет человек, которого выберет семья Кассии. Эта власть была в их руках.

– Я попрошу кандидатов присоединиться ко мне на помосте.

Три преемника поднялись на помост под шквал аплодисментов. К ним присоединились Хелия и ее заместитель, секретарь общества Ян Ленникер, срок полномочий которого также заканчивался этим вечером. Кассия наклонилась ко Льву.

– Как ты думаешь, кто победит? – спросила она, понимая, что так сильно сосредоточилась на своем посвящении, что все прочие события вечера ускользнули от ее внимания.

– Эм.

Лев заколебался, улыбка на мгновение сползла с его лица.

– Я думаю, мы скоро все узнаем.

Кассия заметила, как его взгляд метнулся к двери, где, прислонившись к стене и низко опустив голову, стоял Вирджил Пайк. Его серьезный взгляд был устремлен в толпу. Преемники постоянно то образовывали парочки, то расставались, и каждый хотел стать главной сплетней сезона. Лев и Вирджил были одной из таких любовных историй. Она задалась вопросом, почему они сейчас стояли в разных концах зала.

Кассия проследила за взглядом Вирджила сквозь толпу и остановилась на нескольких людях. Лев был не единственным, кто выглядел нервным. Харланд Уайз грыз ногти. Тан Медхерст переминался с ноги на ногу. Кассия внезапно ощутила напряжение в воздухе, и это было нечто большее, чем возбуждение толпы в ожидании результатов выборов. Ни трое претендентов на возвышении, ни Хелия и Джупитус не обращали на это внимания, но напряженность, с которой Ян уставился в пол, угрожала прожечь тот насквозь.

– Давайте выясним, кто будет вашим новым президентом, – объявил Джупитус присутствующим.

По традиции верховный чародей сам произносил знаменитое заклинание, определяющее победителя выборов, но Джупитус отошел в сторону и махнул Хелии выйти вперед. Наступила тишина – настолько всеобъемлющая, что Кассия

готова была поклясться, будто слышала крики чаек над рекой. Никто не стал бы шептаться, что верховный чародей стареет и его сила уже не та, что была раньше. Ни сейчас, ни когда-либо еще.

Хелия достала заколдованный лист бумаги из орехового дерева и подняла его вверх, а другую руку протянула к урне для голосования. Кассия обнаружила, что невольно придвигается ближе. Она никогда не видела, как выполняется это заклинание, но много раз слышала, как о нем говорили.

Когда бумага из орехового дерева сгорела, урна для голосования раскрылась, словно механический цветок, высыпав в узкую емкость свое содержимое, которое превратилось из бумажек в яркие стеклянные шарики. Когда они каскадом скользили по желобу, то разделялись по цвету и падали в чаши, которые материализовались под ними; синие, оранжевые, желтые...

...и фиолетовые шары. Рядом с остальными чашами материализовалась четвертая.

– Вписанный кандидат! – воскликнул кто-то рядом. По комнате прокатился возбужденный ропот. Кассия снова окинула взглядом участников – на некоторых лицах читалось беспокойство, на других восторг. Затем она посмотрела на Льва, чью улыбку было трудно прочесть. Вирджил выглядел таким же серьезным, как всегда, и, пока шел подсчет, не придвинулся ближе.

– Зеленый! – крикнул кто-то, когда шары пятого цвета

смешались с остальными.

Вписанные кандидаты не были чем-то неслыханным. Президенты общества часто делали блестящую карьеру в самых разных областях, и возможностей было предостаточно. Не было тайной, что некоторые члены партии усердно вели предвыборную кампанию даже после того, как им не удалось официально стать участником голосования.

Но по крайней мере четыре цвета встречались одинаково часто. Джупитус заговорил, перекрикивая болтовню; какая-то шутка об амбициях членов клуба. Наблюдающие премники словно разделились на две группы: на тех, кто был шокирован и заинтригован поворотом событий, и тех, кто наблюдал за всем спокойно. Некоторые из последних сами гудели от возбуждения; другие бросали возмущенные взгляды на Льва и Вирджила, и, пока толпа перешептывалась, их число все росло и росло.

Когда поток шариков иссяк, Ян и Хелия достали коробку и поставили пять чаш с шариками в ряд перед Фиском. Все это само по себе заняло немало времени, и еще больше времени занял подсчет голосов и обсуждение между Хелией и Яном, так что терпение толпы было на пределе. Когда дело было наконец сделано, через толпу зрителей до Кассии и Льва просочились слухи о том, что трое кандидатов набрали одинаковое количество голосов, а победитель одержал победу с перевесом в один голос. Кассия бросила вопросительный взгляд на Льва, но он словно бы не заметил; он смотрел

на Вирджила, который, словно признавая поражение, развел руками. У Кассии в голове возник ничем не обоснованный страх. Она немедленно прогнала это чувство.

Невероятное зрелище еще не закончилось. Решив начать с явного проигравшего – чаши с зелеными шариками, Джупитус произнес очень простое заклинание, которое вырезало на чаше имя номинанта. На его лице отразилось легкое удивление, и он повернулся к толпе.

Кассия тоже была удивлена, увидев, что на чаше было написано «Лев Мэллори». Теперь на него были обращены взоры всех собравшихся. Лев широко ухмыльнулся и пожал плечами.

Когда зал наполнился взрывом аплодисментов, он наклонился ближе к Кассии и сказал:

– В следующий раз, я уверен.

Его темные глаза наполнились веселым блеском, и он подмигнул ей.

Джупитус перешел к следующей чаше. Элрик Верда далеко не так спокойно принял поражение. Он пробормотал что-то сквозь стиснутые зубы и сошел с помоста. Кассия услышала, как стоящий рядом с ней преемник прошептал, что Элрик уйдет из Общества еще до следующих выборов.

Третьим кандидатом был Август Ледфорд. Он изо всех сил пытался скрыть свое разочарование, но, пожав руку оставшемуся кандидату и Джупитусу, присоединился к своим друзьям в толпе, которые хлопали его по спине и обни-

мали за плечи. Кассия снова посмотрела на Джаспера, который должен был стать ее главной поддержкой в этот день. Он стоял в дальнем конце комнаты и выглядел скучающим.

Остались лишь Пелла Олин и вписанный кандидат. Члены клуба погрузились в молчание. Пульс Кассии приятно участился. Драматические события в этом городе часто были связаны со смертями, так что перед шансом быть свидетелем чего-то столь легкомысленного, как переворот среди президентов Общества молодых одаренных чародеев – бескровный переворот, играючи совершенный молодежью, – было невозможно устоять. Так что, хоть Кассия и была уверена, что Пелла очень милая девушка, все же надеялась, что та проиграет.

И так и случилось.

Когда Джупитус перевернул предпоследнюю чашу, комната взорвалась. Элрик громко ворчал по поводу того, что выборы были сфальсифицированы, и получил долю поддержки от тех в зале, кто также был поражен случившимся. Все они были успокоены яростным отказом Джупитуса.

– Даже если кто-то не включен в избирательный бюллетень, его право баллотироваться закреплено в уставе Общества и существует уже сотни лет, – сказал он.

Воцарилась тишина.

– Это священный демократический процесс, и все члены Общества должны его уважать.

Когда Пеллу увели со сцены, Джупитус положил руку на

край последней чаши и снова произнес заклинание. Он был спокоен и невозмутим, демонстрируя вежливое безразличие к происходящему, хотя волнение в комнате росло и росло. Но, когда на его стороне чаши появилось имя, этому спокойствию в один миг пришел конец. Губы верховного чародея сжались в тонкую линию, серебро в глазах превратилось в лед. Волосы на шее Кассии встали дыбом, и она невольно отступила на шаг. Выражение лица Джупитуса встревожило многих зрителей, но только Кассия знала, насколько он был на самом деле взбешен.

В последний раз она видела его лицо таким яростным, когда...

Не говоря ни слова, Джупитус перевернул чашу, и невероятное подозрение, которое ранее вспыхнуло в голове Кассии, подтвердилось.

Новым президентом Общества молодых одаренных чародеев стал Олливан Симс.

Кассия посмотрела на Льва. Лев посмотрел на Вирджила. Вирджил вздохнул и в тот же миг исчез, перенеся себя неизвестно куда.

Джупитус так крепко сжал край чаши, что костяшки пальцев побелили, а затем швырнул ее на пол, где она разлетелась на тысячу осколков.

Глава 7

Когда Олливан и Вирджил перенеслись в вестибюль Странствующего Места, первое, что услышал Олливан, был звон разбитого стекла.

Значит, его дедушка тоже здесь. Отлично.

– Что все это значит? – взревел старик.

Олливан быстро взглянул на свое отражение в зеркале и поправил прическу, после чего шагнул в дверной проем большой гостиной.

– Я думаю, что могу ответить на этот вопрос, дедушка.

Он не мог сдержать радости, которая поднялась в нем, когда члены Общества молодых одаренных чародеев как один повернулись, чтобы посмотреть на него, и расступились, чтобы показать разбитую чашу для голосования, оставшуюся у подножия помоста.

А на нем, бледный, как снег, и злой, как дракон, стоял верховный чародей Джупитус Фиск. Его дедушка.

Олливан расплылся в улыбке. В конце концов, он не видел его целый год.

– Олливан.

Голос Джупитуса был обманчиво ровным. Теперь, когда он знал, что в перевороте на выборах виноват Олливан, худшее, что он мог сделать, это еще больше потерять самообладание.

– Какой сюрприз. Боюсь, он неудачный, поскольку тебе здесь делать нечего.

Он сделал жест, и охранники двинулись к Олливану. Джупитус никогда никуда не ходил без горстки своих самых надежных дружинников. С их помощью он мог запугивать людей еще сильнее. Мало кто осмелился бы признать, что верховный чародей терял свое преимущество, возлагая обязанность защищать себя на телохранителей. Среди тех, кто так думал, был Олливан, который, когда дружинники вышли вперед, не дрогнул – в отличие от тех, кто стоял рядом.

– У меня здесь больше дел, чем у кого-либо другого, – сказал он, указывая на фиолетовые стеклянные шары на полу. – На самом деле устав Общества молодых одаренных чародеев считает мое присутствие здесь необходимым. Не так ли, Ян?

Когда Олливан появился в зале, Ян Ленникер сделал несколько медленных шагов назад и сошел с помоста, и Олливан не винил его. Он тоже голосовал за него. Если бы Олливан был Яном, то и сам бы держался на расстоянии от верховного чародея.

Ян сокрушенно вздохнул и обратился к Джупитусу – достаточно громко, чтобы все услышали.

– Как вы, без сомнения, знаете, верховный чародей, наша хартия магически обязательна к выполнению. Если победивший кандидат не будет признан и ему не будет вручен значок на церемонии выборов, здание выдворит всех преемников наружу и опечатает двери. Способ, как это будет сделано,

неясен, но устав намекает, что это может быть... болезненно.

Преемники зашептались. Дружинники, приближающиеся к Олливану, остановились; один даже отошел, чтобы быть ближе к двери.

– Я знаком с уставом, мистер Ленникер, но, как бы то ни было, мой внук не является законным кандидатом.

Он устремил свой самый холодный взгляд на Олливана так, чтобы видел только он.

– Он изгнан.

Олливан сочувственно поморщился.

– Ян.

Ян посмотрел в небо и пробормотал проклятие.

– Я боюсь, верховный чародей, что изгнание или фактически любой проступок, который приводит к изгнанию, не лишает автоматически членства в Обществе или иным образом не лишает права баллотироваться в президенты.

– Достань мне проклятую звездами хартию, – рявкнул Джупитус, прежде чем Ян закончил говорить.

– Забавно, я думал, ты с ней знаком, – сказал Олливан, пока Ян устремился за ней. – Неважно. Почему бы мне не рассказать тебе, что там написано?

Он сцепил руки за спиной и медленно прошелся перед помостом.

– Устав Общества молодых одаренных чародеев – документ, написанный шестью из наших первых и, возможно, наиболее сильных членов и магически закрепленный более

пятисот лет назад, — требует от кандидата в президенты только двух вещей. Он должен являться членом Общества более года и быть моложе двадцати лет, так как в этом случае он не покинет Общество раньше, чем закончится его двухлетний срок. Однако, что самое интересное, так это то, что устав требует от президента. От президента требуется следующее: чтобы он присутствовал на церемонии инаугурации, где я и нахожусь; чтобы он принял пост добровольно и осознанно, что я и делаю; чтобы он посетил минимум четыре из пяти собраний Общества в течение срока своих полномочий, что я и сделаю; и — он остановился и повернулся к помосту — чтобы он жил в Харте.

Лицо Джупитуса расплылось в улыбке.

— Чего ты не делаешь, — сказал он. — И, следовательно, ты не имеешь никаких прав.

— Да, можно было бы так подумать. Вероятно, это было бы разумным решением, но я полагаю, что это одна из проблем, которая может произойти, если вы продолжаете использовать документ, написанный несколько столетий назад самодовольными пятнадцатилетними подростками, которые, как мы можем разумно предположить, в то время пили большое количество медовухи — они разлили довольно много этого напитка на страницах с шестой по одиннадцатую. Итак, не обязательно жить в Харте, чтобы стать президентом, но нужно жить здесь в течение всего двухлетнего срока.

Ян вернулся с хартией и передал ее Джупитусу.

– Страница восемь, – услужливо подсказал Олливан. – Осторожно с липкими частями.

– Но ты изгнан! – проревел кто-то справа от него. Это был Элрик Верда. Лицо юноши приобрело точно такой же оттенок фиолетового, как и стеклянные шарики, разбросанные по полу. – Ты не можешь жить в Харте.

– Боюсь, я вынужден. Если я президент, то должен жить здесь, а если, по мнению людей в этом зале, я не президент, тогда я предлагаю всем нам быстро уйти, прежде чем неизвестные силы утащат нас из этих залов. Ведь я могу заверить вас, что Странствующее Место ощущает мое присутствие.

Олливан, возможно, мог бы применить какую-нибудь магию, чтобы в тот момент здание издало особенно явный скрип, но в этом не было необходимости. Все это промедление с вручением президентского значка уже раздражало старый заколдованный дом, и было слышно, как неестественный сквозняк со свистом проносится по закоулкам комнат наверху, готовясь ворваться в большую гостиную и испортить прически всех присутствующих. Несколько гостей предпочли уйти. Уже не один преемник кричал, чтобы Олливан получил проклятый звездами значок.

О, звезды, как же Олливан любил магию.

Джупитус проигнорировал волнение в зале и устремил взгляд вверх устава на своего внука.

– Мисс Рэдлин, – сказал он. – Когда мой внук был изгнан из Уизерворда в Иной мир, разве вы не сочли уместным

также лишить его членства в Обществе?

То, что Хелия Рэдлин, уходящий президент, ответила честно и с высоко поднятой головой, не могло не вызывать к ней уважения.

– Нет, верховный чародей, я этого не сделала. Я уверена, вы можете понять, что... мне никогда не приходило этого в голову. Кроме того, – она бросила взгляд на Яна, – соблюдение устава общества – это работа секретаря.

– Будь ты проклята, Хелия, – огрызнулся Ян. – Раз мы так погрузились в текст устава, то покажи мне строку, где говорится, что я должен аннулировать членство всех убийц.

– Я не убийца, – отрезал Олливан прежде, чем это слово полностью слетело с губ Яна. В комнате воцарилась тишина. И так, все начали шептаться. Жаль. До этого момента Олливану нравилось, что все на него смотрят. Он выдавил улыбку, слегка болезненную и натянутую.

– Мисс Рэдлин, – сказал Джупитус, говоря с такой напыщенностью, что Олливан понял, какие слова последуют дальше. – Не будете ли вы так добры выполнить свой моральный долг и немедленно аннулировать членство Олливана Симса?

Хелия колебалась. Олливан рассмеялся.

– Она может делать все, что ей угодно. Или скорее что тебе угодно. Но я боюсь, верховный чародей, – он указал на потолок, и его сердце воспарило, когда еще более сильный сквозняк захлопнул двери так, что задребезжали стекла

в окнах, – что Хелия больше не президент Общества молодых одаренных чародеев.

Он развел руками, как будто кто-то мог до сих пор его не заметить.

– Теперь это я.

Глава 8

Это послужило Кассии уроком, ведь она было решила, что вечер не может стать еще хуже.

Если бы она попыталась найти хоть крошечный плюс, то он заключался бы в том, что ее дедушка был слишком занят, чтобы заметить, как она выскользнула примерно в то время, когда к лацкану ее изгнанного брата прикрепляли президентский значок.

Она вышла из экипажа перед домом из красного кирпича – домом Симсов – и поднялась по ступенькам, устало приветствуя дежуривших дружинников. Тихо, чтобы не привлекать внимания, Кассия поднялась в свою комнату, где с величайшей осторожностью закрыла за собой дверь. Затем она сбросила пальто и туфли и упала лицом вниз на свою кровать. Вжав голову в подушку, Кассия пронзительно закричала.

Раздался стук в дверь.

В конце концов, ей не удалось незаметно проникнуть внутрь. Алана вошла и застыла в дверях, глядя на дочь так, словно любое резкое движение могло ее отпугнуть.

Они оба знали, о чем хотела спросить Алана.

– Я потерпела неудачу.

– У тебя будут другие шансы, – последовал слишком быстрый ответ, и Кассия поняла: все те ее разговоры о президент-

стве были пустым звуком, ведь ее мать не верила даже в то, что Кассия будет принята. Она не ожидала от своей дочери того, чего ожидали от нее, от Олливана, от всех, кого они знали. Потому что Кассия не была одной из них.

– Их не так много, – пробормотала Кассия.

– Достаточно. И еще целый год, чтобы поработать над этим. Ты потомок могущественной семьи, Кассия. Ради звезд, ты должна быть в состоянии сколотить эффектное закливание, чтобы члены клуба в достаточной мере развеселились.

Она закончила свою речь смехом, но в нем слышалось разочарование.

– Хорошо.

Кассия подошла к своему туалетному столику, распустила волосы, сняла серьги и попыталась воспринять слова матери так, как того хотела Алана, а не так, как они прозвучали.

– Возможно, я должна быть в состоянии. Но это не так.

– Разве Джаспер не хороший учитель?

– Дело не в Джаспере.

– Возможно, если бы мы снова наняли парня постарше...

– Дело не в Джаспере, мама.

Кассия бросила свои серьги на стол рядом со шкатулкой для безделушек, в которой она их хранила.

– Дело во мне.

Алана ответила не сразу, и это был единственный ответ, который был необходим Кассии. Женщина присела на край

кровати; верный признак того, что этот разговор не закончится быстро.

– Я думаю, что, возможно, – осторожно сказала Алана, – сосредоточение всей твоей энергии на Обществе – не лучший способ потратить время, что ты проведешь в Харте. В конце концов, это не самая важная вещь в мире.

– Возможно, это правда, но даже если бы это было так, откуда тебе знать?

Она с вызовом повернулась к ней лицом.

– Ты прошла посвящение с первого раза. Так делал отец, так делал дедушка, и так делал...

Олливан. Ее мать не знала. Алана заметила колебание, ее тело напряглось, как всегда, когда речь заходила о риске упоминания ее первенца. Они не говорили о нем; не говорили уже целый год.

Кассия не хотела быть той, кто скажет матери, что Олливан вернулся. Она не хотела видеть, какие эмоции появятся на ее лице.

– Дело в том, – продолжала она, пытаясь собраться с мыслями, – что у тебя все по-другому. Ты следующий верховный чародей. Ты заслужила свое место здесь. Тебя... уважают.

– А ты моя дочь. К этому тоже прилагается уважение.

Кассия внимательно на нее посмотрела.

– Ты правда так думаешь? Ты так представляешь себе мою жизнь?

– Все, что я могу сделать, это представить, Кассия, – мягко

сказала Алана. – Я едва тебя знаю.

– И чья в этом вина?

Слова вырвались прежде, чем она успела их обдумать, но сразу после этого Кассия поняла, что хотела причинить матери боль. В любом случае это не сработало.

– Наверное, моя собственная, – сказала ее мать. – Звезды знают, что я слишком оттягивала тот момент, как Эстер вернула тебя к нам.

– Я сама вернула себя обратно. Я хотела быть здесь. И мне жаль, что это доставляет тебе такие неудобства.

– Кассия. Не вкладывай слов в мои уста.

Но все же она не отрицала. Кассия ждала, что она продолжит, но Алана массировала виски, как будто у нее начиналась одна из головных болей. Она была близка к тому, чтобы вообще потерять интерес к разговору.

– Давай не будем ссориться, – сказала она, словно на автомате. – Я просто хотела сказать, что ты тратишь всю свою энергию, заикливаясь на вступлении в Общество. Уже скоро ты будешь на пути обратно в Камден, и я...

– Я еще не решила, – вмешалась Кассия.

Она говорила это уже не раз. И все же что-то в ней потянулось к идее возвращения и всеми силами ухватилось за нее. Это было не то, чего ей на самом деле хотелось, напомнила она себе. В Зоопарке были люди – Эстер, Геден, Файф, которые относились к ней как к семье, поэтому, конечно, она скучала по ним. Конечно, в постигшем ее одиночестве эти

воспоминания стали особенно сильными.

Но в Камдене она была счастлива лишь отчасти. Жизнь там была омрачена неизбежной изоляцией, как будто она жила за стеклом. Она чувствовала это каждое утро, когда практиковала свою магию одна, без друзей. Каждый раз, когда кто-то шептал «это ребенок чародеев», стоило ей пройти мимо. Каждый раз, когда они говорили о многовековой истории, которая отделяла их, метаморфов, от мастеров душ, призраков и чародеев. Если здесь, в Харте, она и была менее счастлива, то только потому, что еще не проявила себя. Она не показала им, что она *не* метаморф. Но это были ее люди. Если Кассия не могла прижиться здесь, то не могла прижиться нигде.

Алана посмотрела на нее с жалостью.

– А что, если твой дедушка решит, что возвращение в Зоопарк – лучший выход для тебя?

Для тебя. Вот оно. Снова. Ни у кого из них не было иллюзий, будто решение будет принято в наилучших интересах Кассии. Единственной причиной, по которой она продолжала настаивать на том, что еще не определилась со своим будущим, была детская надежда, что, если она повторит достаточно раз, это станет правдой; выбор чудесным образом останется за ней. Может быть, так оно и было бы.

Возможно, существовал способ, которым Кассия могла взять свою жизнь в свои руки. Но если и так, она его еще не нашла. Ее просьба вернуться в Харт была удовлетворена

только по настоянию Эстер Рейвенсвуд, убеждению, что это принесет пользу всем, и обещанию, что Зоопарк примет ее обратно, если Джупитус сочтет нужным. Она не была уверена, что Эстер смогла бы помочь ей, реши он, что это не так.

Она больше не могла говорить об этом; ни о посвящении, ни о Камдене. Она вдруг почувствовала сильную усталость, в горле встал ком, к глазам подступили слезы. Ей хотелось снова зарыться головой в подушку и побыть одной. Поэтому она сказала единственное, что, как она знала, могло заставить мать выбежать из комнаты. Но все же она отвернулась, чтобы не видеть лица Аланы.

– Он вернулся. Он провернул какой-то... трюк, чтобы быть избранным президентом Общества. Согласно уставу, ему должно быть разрешено снова жить в Уизерворде. Де-душка был вынужден согласиться. Я думаю, он захочет вернуть свою комнату.

Дверь захлопнулась прежде, чем она закончила говорить. Наступившая тишина была самой одинокой из всех, что Кассия когда-либо слышала. И тут она вспомнила.

– Кто вернулся? – раздался голос.

Вайолет упала на бок и была наполовину скрыта подушкой, в которую Кассия кричала. Ее тихий голос словно заживил рану, которую открыла Алана. Каким бы глупым это ни казалось Кассии, это лицо не было свидетелем ее унижения этим вечером, и оно в любом случае не отвело бы глаз. Это было лицо человека – или вещи, которое даже не знало о су-

ществовании Олливана Симса.

– Мой брат, – сказала Кассия кукле. Она подняла ее и посадила к себе на колени. – Мой брат вернулся.

Последовала пауза, и Кассия почти положила куклу обратно, как вдруг та ответила:

– И это заставляет тебя грустить.

Это то, что чувствовала Кассия? Она едва знала своего старшего брата. Возможно, они были близки до того, как ее отдали на воспитание метаморфам, но Кассия была слишком мала, чтобы помнить. С тех пор Олливан никогда не проявлял к ней интереса, хотя Кассия была уверена, что в какой-то момент в далеком прошлом она этого хотела. По мере того как они становились старше и интересы Олливана сузились до строго определенных вещей, которыми он, в общем-то, не должен был заниматься, ее визиты домой в основном происходили в его отсутствие именно по причине того, что она не хотела с ним пересекаться.

А потом, год назад, он показал всем, кем является на самом деле.

– Нет. Не грущу, – сказала Кассия кукле. – Сержусь.

– Сердишься?

– Он... он теперь, звезды его побери, президент Общества молодых одаренных чародеев! Президент.

– И ты хотела бы, чтобы это была ты.

– Нет!

Кассия положила куклу обратно на гору подушек, подаль-

ше от своих трясущихся рук.

— Это абсурд. Я бы никогда не стала президентом. Даже если бы я могла попасть туда с самого начала. Но ты бы видела его лицо. Его высокомерное, ухмыляющееся, полное ненависти лицо. Он даже не хочет быть президентом, просто решил сделать это назло дедушке. У него, вероятно, была дюжина других коварных планов, как избавиться от изгнания, и он выбрал тот, в котором мог бы выставить себя на всеобщее обозрение.

В перерывах между словами своей тирады Кассии не хватало воздуха. Когда она набрала полную грудь, у куклы наконец появился шанс вставить слово.

— Он изгнанник.

— Именно. Три часа назад мерзавец был изгоем, а теперь... в общем-то, ничего удивительного. Не имеет значения, что он сделал. Потому что он Олливан.

Она насмешливо фыркнула.

— Может быть, мне тоже следует отправиться в изгнание, и тогда они примут и меня тоже.

— Ты хочешь вступить в это... Общество молодых одаренных чародеев?

— Нет. Возможно.

Кассия потеряла глаза и вздохнула, признавая поражение.

— Да. Я хочу туда вступить.

— Как можно этого добиться?

— Ты спрашиваешь не ту девушку.

– Тогда позволь мне помочь тебе.

Она посмотрела на куклу, которая слегка сползла по подушке и завалилась вправо. Ее пустые стеклянные глаза смотрели прямо перед собой, не совсем на Кассию, а скорее мимо ее плеча на край кровати. На самом деле она знала, что разговаривала не с куклой. Кукла была сосудом для небольшого количества магии. Конечно, весьма впечатляющей магии. Она и ранее видела зачарованных кукол, но их разговорные навыки ограничивались несколькими фразами и не производили реального впечатления разумности. Она напомнила себе, что эта кукла – такая же. Заклинание предлагало ей помощь не потому, что заботилось о ней, а потому, что это было то, для чего оно было создано.

– Я ценю твое предложение, – все же сказала Кассия, – но, боюсь, я сама по себе. Я никогда не буду такой, как Олливан. И слава звездам.

– Да, слава звездам. Ты должна всегда быть самой собой.

Кассия криво усмехнулась. Наверное, на ребенка такие слова бы подействовали. Но в возрасте семнадцати лет блеск простоты таких фраз уже не имел никакого эффекта.

– Думаю, я предпочла бы быть одаренной, чем быть самой собой.

– А Олливан одаренный?

– О, да. Однажды я подслушала, как мой отец назвал его самым одаренным чародеем, которого он когда-либо знал.

Было невозможно сдержать язвительность в интонации.

Ее отец был далек от нее уже тогда, когда она была ребенком, и все больше отсутствовал по мере того, как она росла. В конце концов он тихо ушел из их семьи примерно на тринадцатом году жизни Кассии. Когда во время одного из визитов она спросила, где отец, Алана совершенно спокойно сказала, что Кассия больше его не увидит. Она не помнила, чтобы что-то чувствовала по этому поводу. Таковы были их отношения, и все же этот человек уделял Олливану достаточно внимания, чтобы тот произвел на него впечатление.

– Олливану все дается легко. Так было всегда. Мы не могли бы быть более разными, чем сейчас.

– Ну и что, – сказала Вайолет. – Ты трудолюбивая! Ты стремишься к лучшему. Это гораздо ценнее, Кассия.

Кукла произнесла ее имя. Кассия и не подозревала, что оно ей известно. Но, как бы то ни было, она ошибалась.

– Но быть трудолюбивым бесполезно, если в итоге ничего не получается. Никто даже не узнает, как усердно ты работал, если не увидит результатов.

– И для тебя это имеет значение?

Вопрос был тяжелым и серьезным.

– Это имеет значение для всех, и если кто-то говорит по-другому, то он лжет. Лжет и все больше разочаровывается в тебе из-за того, что ты не такая одаренная, как брат.

Кукла очень долго молчала.

– Ты говоришь о своей матери.

– Моей матери. Моем отце. Моем дедушке.

Она позволила себе откинуться на кровать и уставилась на нижнюю сторону балдахина, который выбрала Алана: он был полностью розовым.

– Единственное, что они во мне видят, – это то, как сильно я отличаюсь от Олливана. Я не очаровательная. Я не смелая. Я не лидер. И я не одаренный чародей. В нашем роду есть исключительно одаренные чародеи, есть обычные. Но неудачников не было. До меня. Возможно, именно поэтому они послали меня в Камден.

Она добавила последнее замечание как бы между прочим и была встревожена, почувствовав, как сжимается ее сердце.

– Твоя семья отослала тебя прочь?

– Когда мне было пять.

– Пять?

Кассия вздрогнула от тона голоса куклы; резкого и более громкого, чем обычно.

– Твоя семья ожидала, что в пять лет ты проявишь себя как одаренный чародей?

– Олливану было три года, когда он заколдовал музыкальную комнату, чтобы инструменты в ней сами писали и играли симфонии, – отрезала Кассия, уставившись в беспорядок кружев у себя над головой. – Один театрал купил у него права на музыку для пьесы. *Торговец из Дорберга*. Эту постановку ставят до сих пор.

– Земля и звезды, – пробормотала кукла.

– Совершенно верно.

– Это несправедливо.

– На самом деле для трехлетнего ребенка сумму он получил довольно щедрую.

– Нет, несправедливо то, что они ожидали от тебя. Ты должна быть самой собой.

Казалось, магия внутри куклы достигла своего максимума, и ей было нечего больше сказать.

– Да, ты уже говорила, – пробормотала Кассия, больше для себя, чем для куклы. Она была удивлена, как ей стало грустно оттого, что разговор закончился; что иллюзия того, что есть с кем поговорить, разбилась вдребезги.

– Ты должна быть самой собой, но все хотят, чтобы ты была Олливаном.

Кассия приподнялась на локтях. Кукла не двигалась, и все же казалось, что она смотрит на нее. Возможно, Кассия сдвинула кровать, когда ложилась. Она села еще дальше, и, хотя глаза куклы, казалось, не двигались, она все еще смотрела на нее, как на портрете, глаза с которого следуют за вами по комнате.

– Я полагаю, этот Олливан, этот твой брат, был изгнан за проступок?

– За убийство, – натянуто сказала Кассия. – Он убил человека в драке.

– Тогда почему ты должна быть такой, как он? Он не заслуживает их уважения. Его заслуживаешь ты.

Кассия не могла не согласиться. Звезды где-то просчита-

лись, и это сделало Олливана президентом Общества молодых одаренных чародеев в ту же ночь, когда оно во второй раз отказало Кассии в инициации. Это был просчет, который совершался снова и снова с того дня, как ее семья решила подготовить Олливана к должности верховного чародея, а ее сделать кем-то вроде детского посла от своей фракции. Убрать ее с дороги. Разобраться с ней так, как никто не смог разобраться с Олливаном. Даже изгнание не помешало ему добиться своего.

Кассия знала все это; это было ее реальностью в течение семнадцати лет. Но никогда за все это время никто другой не озвучивал то же самое.

– Позволь мне помочь тебе, – сказала Вайолет.

Она говорила это много раз. Это был основной принцип создания зачарованных кукол; чтобы юные чародеи могли практиковаться в использовании своей магии. Но эта кукла... Это было блестящее волшебство. Она почти заставила Кассию поверить, что может ей помочь.

– И почему это ты хочешь мне помочь?

На этот раз она увидела это. Это не игра света. Глаза куклы скользнули к ней, ее зеленые радужки вспыхнули в свете лампы, как будто внутри были спрятаны механические детали – или более сильная магия. Кассия затрепетала. Она не была уверена, вызвано ли это беспокойством или восторгом.

– Потому что ты дала мне волшебство, – сказала кукла. – Ты вернула меня к жизни в той холодной, пыльной комнате,

помнишь?

Кассия покачала головой.

– Это не я. Я просто нашла тебя.

– Ты нашла меня, и ты сделала меня такой, какая я есть, – сказала кукла более настойчиво. – Все, что было раньше, было скучным и непонятным. А потом мы стали друзьями, и я чувствую, что вместе мы сможем сделать все что угодно.

Кассия сдалась. Что плохого в том, что у нее была кукла, которой она могла излить свою душу, если это заставляло ее чувствовать себя лучше? Это было все равно что вести дневник, или кричать в подушку, или сочинять письма Гедеону, Эстер или Файфу, прежде чем бросить их в огонь.

Она улыбнулась Вайолет, зная, что, какой бы магией эта кукла ни была наделена, она и в самом деле может видеть Кассию.

– Тогда друзья.

Глава 9

Празднование слишком затянулось.

По воспоминаниям Олливана, подобные кутежи устраивались каждую неделю, так что он не понимал, почему премники чувствовали такую необходимость пить, танцевать и болтать до утра из-за каких-то выборов. Ему нужно было ускользнуть отсюда, но он не мог этого сделать, потому что все ожидали, что он станет болтать со всеми, кто захочет к нему подойти.

А этого хотел каждый – по крайней мере, каждый, кто здесь присутствовал. Он ответил на семьдесят с чем-то вопросов о том, как, ради всего святого, ему удалось совершить такой переворот, а его ответы в основном были чем-то вроде «ты не хотел бы этого знать», сопровождаемое застенчивым подмигиванием. На самом деле Олливан не мог упрекнуть в любопытстве никого из них. Ведь план был просто гениальным.

Прошло несколько часов, прежде чем ему удалось проскользнуть из большой гостиной в президентское убежище этажом выше. Убежище, защищенное дверью, которая открывалась только для него и выбранного им секретаря, было привилегией, которую он получил вместе с новым титулом. Коснувшись дверной ручки, Олливан почувствовал глубокую защитную магию, и, когда он вошел внутрь, заклинание

дрогнуло в знак согласия.

Убежище было ненамного меньше большой гостиной внизу. Длинное помещение с письменными столами в обоих концах; на том, что у двери, висела деревянная табличка с надписью «Ян Ленникер, секретарь Общества», которую Олливан бросил в огонь. Между офисными помещениями располагалась большая зона отдыха, изысканно отделанная разноцветными шелками и усеянная экзотическими растениями. Апельсиновое дерево в горшке цвело, наполняя убежище своим сладким ароматом. Олливан поднес один из цветков к носу и вдохнул аромат и волшебство. Он мог бы опуститься в кресло и задержаться здесь, купаясь в своей славе – во всем, ради чего так усердно трудился в прошлом году, – но время для этого еще не настало.

Он пришел сюда в поисках ключа. Шкафчик находился за столом секретаря, но крючок с нужным ему ключом был пуст.

– Будь он проклят, звезды, – пробормотал он себе под нос, осматриваясь, на случай если ключ висел на другом крючке. Но, конечно, это было не так. Его могли бы навсегда снять с крючка несколько месяцев назад, и никто бы так и не заметил этой пропажи. Это было весьма в духе Яна Ленникера – похоже, с убежища не просто снимали защиту, но даже не утруждались его запирать.

Но это не так уж важно. Ему просто требовалось попробовать заклинание, написанное им в гроссбухе мистера Холта

и спрятанное в кармане куртки. Скорее всего, он правильно запомнил то защитное заклинание и его не затянет в неизвестное измерение...

Он повернулся на каблуках, чтобы покинуть убежище, и его здоровое ухо наконец уловило звук шагов. Как раз в тот момент, когда кто-то уже подошел к двери.

– Олливан? – раздался оклик, сопровождаемый стуком.

Размашистым жестом Олливан открыл дверь и пригласил Льва Мэллори войти. Лев улыбнулся, и Олливан улыбнулся в ответ, подумал, что ухмылка юноши может быть шире двух его вместе взятых.

– Поздравляю, – сказал Лев. Когда он улыбнулся, его глаза почти исчезли – как и всегда. – Как у тебя дела?

– Я поражен. Не могу поверить, что вы справились с этим.

– *Мы* справились, – сказал Лев, шагая к Олливану и обнимая его. – Добро пожаловать домой.

Дом. Хотя это слово и согрело Олливана, оно напомнило ему о препятствиях, которые все еще нужно было преодолеть, прежде чем все снова станет на свои места.

– Ты хочешь узнать, что пообещал своим избирателям? – сказал Лев, отступая в сторону и освобождая лицо Олливана от своих пушистых черных волос. Олливан был невысок, но Лев все равно был на полголовы ниже его.

– Резонный вопрос, – произнес глубокий голос из-за спины Льва. – Список длинный.

Олливан нерешительно поднял глаза. Улыбка Вирджила

Пайка была такой же отсутствующей, как и у Льва, когда тот терял над ней контроль. Это было настолько горько-сладкое зрелище, что Олливан против своей воли вернулся мыслями к тому моменту, когда они впервые встретились. Им было по восемь лет, и родители надеялись, что их не по годам развитые сыновья окажут друг на друга благотворное влияние. Но Вирджилю это оказалось не нужно.

– Я знаю, кто ты, – прошипел он, когда Олливан осмелился прервать его чтение, чтобы представиться. Хмурый взгляд, который теперь стал ему так хорошо знаком, прожигал мальчика. – Когда-нибудь ты станешь верховным чародеем.

Олливан хотел выбить книгу у него из рук, но няня наблюдала за ними из угла комнаты.

– Кто сказал?

– Все, – сказал Вирджил. – Но моя бабушка говорит, что лидеры должны избираться всеми людьми, а не только теми, кто обладает наибольшей властью.

Олливан бросил взгляд на няню, охваченный смутным чувством, что это было не то, о чем следовало бы говорить. Хотя он еще не до конца понимал, почему.

– Ну, я не хочу быть верховным чародеем, – ответил он шепотом, – так что они могут устроить выборы, мне все равно.

Этого было достаточно, чтобы юный Вирджил убедился в том, что они могут стать друзьями, и их дальнейшее общение

продолжалось в том же духе: Вирджил выступал против принятых норм, а Олливан предлагал все более творческие способы протеста. Вечеринки родителей Вирджила проходили слишком поздно и слишком громко? Можно заколдовать их дом, чтобы все произносимые шепотом сплетни оказались слышны на всю округу. Сестры разбросали по игровой комнате слишком много лент и безделушек? Можно превратить кольца и серьги в жуков, носовые платки и шляпки – в летучих мышей.

Вирджил сделал взгляды Олливана более радикальными, а Олливан превратил того в настоящего хулигана. Разрушение нелепых, самодовольных традиций Общества, к которому обоих принуждали присоединиться их семьи, должно было стать идеальным воссоединением.

Но год назад Олливан зашел в непослушании слишком далеко и оставил Вирджила позади. Казалось, сейчас тот намеревался напомнить ему об этом. Он прислонился к дверному проему, скрестив руки на груди, и это до боли знакомое угрюмое выражение омрачило его лоб.

Олливан не хотел напоминаний. Он хотел празднования, хотел, чтобы его победа была всеобъемлющей. Мысли о чулане толкали его на то, чтобы извиниться и улизнуть, но он был обязан своим друзьям детства всем и должен был уделить им свое полное внимание. С чуланом придется подождать.

Он прислонился к краю бывшего письменного стола Яна,

который теперь будет принадлежать тому, кого выберет Олливан.

– Подожди. Начни с самого начала. Я хочу услышать каждую великолепную деталь, чтобы я мог сказать вам, насколько вы оба неподражаемы. Я поражен, что вам вообще удалось разделить голоса поровну между Пеллой, Элриком и Августом.

Переворот Олливана был так изящен, что сам Джупитус Фиск не смел бы фыркнуть. Среди избирателей было семьдесят семь членов Общества молодых одаренных чародеев, не считая его самого, и три кандидата. Разделение голосов между тремя кандидатами поровну означало, что Олливан мог одержать победу, набрав всего двадцать голосов. Учитывая, что Лев и Вирджил были данностью, получалось, что нужно было убедить восемнадцать преемников проголосовать за него.

– Звезды, это была самая легкая часть, – сказал Лев сквозь смех. – Нам повезло, что они все были одинаково хороши, иначе это никогда бы не сработало.

– Ты недооцениваешь нас, – возразил Вирджил Льву, хотя его недовольный взгляд оставался на Олливане. – Мы работали над этим в течение нескольких месяцев. Знаешь ли ты, как трудно вот так вот агитировать за трех разных кандидатов и уследить, чтобы это никуда не просочилось?

– Я могу только представить, – сказал Олливан, глядя Вирджилилу прямо в глаза, чтобы он мог видеть его благодар-

ность. — Скольких тебе пришлось переубедить?

— Когда мы опросили всех, казалось, что у Августа было сильное преимущество, — сказал Лев. — Элрик был отстающим. Но дюжина членов не определились, и почти всех их не составило особого труда склонить к тому или иному кандидату. Затем мы нацелились на наименее решительную горстку тех, кто не мог определиться или успел передумать. Нам пришлось убедить двух избирателей Пеллы и семерых избирателей Августа отдать предпочтение Элрику. И еще восьмерых мы убедили голосовать за меня.

Его улыбка стала шире.

— Но это было легко.

— Звезды благословляют твое природное обаяние, Лев, — сказал Олливан, приложив руку к груди.

Когда Олливан произвел расчеты, то быстро понял, что набрать двадцать голосов будет невозможно. У него не было рычагов воздействия, и слишком многие, казалось, были ненадежны и могли проболтаться; не должно было быть никого, кто мог бы пустить слух, что Лев и Вирджил вели кампанию от его имени. Одна быстрая поправка к уставу, и Олливан всю оставшуюся жизнь проработал бы в Оккультном магазине Пендергаста.

Поэтому он придумал план, как срезать пару голосов у каждого кандидата и добиться более легкой победы: добавить в гонку еще одного вписанного кандидата.

— А мои избиратели?

– Все было именно так, как ты сказал, – ответил Лев. – Ты выиграл свои первые три голоса одним своим существованием. С Орсоном Халоненом было проще всего – ему едва ли нужно было напоминать, как плохо ты влиял на имидж своего дедушки, прежде чем он согласился.

Отец Орсона был крупнейшим политическим соперником Джупитуса, пока с ним не произошел ужасный несчастный случай, в результате которого тот скончался.

И они также легко сделали ставку на пару других участников, готовых аккуратно – очень аккуратно – помочь Олливану выставить правление Фиска неэффективным.

– Айван Гофф считает, что изгнание в принципе не должно быть формой наказания.

На лице Льва появилось странное выражение.

– Наряду с дружинниками на улицах, централизованной властью, капитализмом, всей верой народа в оракулов...

Вирджил сочувственно кивал.

– Я не могу сказать, что согласен с большинством из того, что он хотел сказать, но у него есть много интересных идей.

– Вирджил подтвердит, что наш разговор с Айваном стоил мне трех часов жизни, Олливан. Трех часов.

Представив это, Олливан подавил улыбку. Лев никогда не интересовался ничем более серьезным, чем бильярдный турнир. Удивительно, что они с Вирджилом были так влюблены друг в друга.

– Мне жаль, что тебя заставили так страдать, – сказал

он, игнорируя возмущенный двусмысленный взгляд Вирджила. – А Олден и Брэсвелл?

– Были куплены обещанием снова наполнить бар запасами виски со змеиным ядом. Они с большим нетерпением ждут. Тебе лучше сделать это первой статьей в новом бюджете.

Десять голосов для победы.

– Я должен составить бюджет?

Лев рассмеялся.

– Ты должен сделать много вещей. Включая два дополнительных благотворительных задания каждый месяц в течение всего срока полномочий, которые ты будешь делать за других членов Общества.

Воля к жизни покинула Олливана, и он откинул голову назад.

– Я соглашался максимум на одно дополнительное ежемесячное благотворительное задание.

– Ну, Кива, как оказалось, уже не так тобой увлечена, так что нам нужно было импровизировать, – сказал Вирджил. Он задумчиво наклонил голову. – То, что ты никогда не сомневался в пределах своего обаяния, многое о тебе говорит.

– Кива, – задумчиво произнес Олливан. Он никогда не принимал ее ухаживаний и все же чувствовал себя обделенным. – Но видела ли она мой новый шикарный шрам?

– Ленникер очень благодарен за... что бы ты там для него не сделал.

Лев пожал плечами.

– Я упомянул о том, что за ним должок, и он согласился на все прежде, чем я смог закончить говорить. Затем он исчез. Просто перенес себя куда-то.

– Возможно, он боялся, что я рассказал вам все об инциденте с восьмидесятилетней шарлатанкой-телепатом, которая как-то вынудила его, пьяного, просить ее руки. Нам было по семнадцать, и я как раз вовремя вытащил его из часовни. Но, конечно, все это лишь *могло бы быть*.

Семь голосов для победы.

– И, э-э, менее честная тактика...

– Шантаж? – невозмутимо спросил Вирджил.

– Знаешь ли, в таком тоне нет необходимости. В уставе совершенно четко не упоминается, что шантаж избирателей противоречит правилам.

– Да, я помню, как ты уверял нас в этом факте. Что мне все еще интересно, так это когда и как у тебя накопилось так много грязи про всех и каждого.

Олливан ухмыльнулся.

– Прошу. Тебя обмануло название «Общество молодых одаренных чародеев»? Его следовало бы назвать «Обществом для сверхпривилегированного, морально развращенного потомства элиты чародеев». *Грязь*, как ты говоришь, просто валялась вокруг. Это место само по себе грязное.

И Олливан был достаточно умен, чтобы понимать, что в таком городе, как этот, знание чьей-либо слабости служило

весьма ценной информацией.

Не то чтобы каждый голос стоил ему большого труда. Он с первого взгляда понял, что зеркало, которое Тан Медхерст использовал при своем посвящении, – заколдованное, чтобы показать расположенную снаружи площадь Друзеллы, – было заколдовано заранее, что, очевидно, запрещалось, поскольку любой мог наложить это заклинание. Ну а в случае с зеркалом Тана... оно было заколдовано самим Олливаном.

Харланд Уайз накачивал призраков, с которыми играл в карты, особым зельем, слегка притупляющим способности к рассуждению. Олливан знал, потому что сам снабдил его им.

А Пейшенс ловко распорядилась сокровищницей его деда. Он знал, что она нашла способ перекачать немного денег Харта в свой карман, потому что сам небрежно указал ей на недостаток в том, как проводился учет налога за защиту, который люди платили Джупитусу. Если уж на то пошло, это именно Олливан предложил ей пройти стажировку у его деда.

Четыре голоса для победы.

Олливан не думал о шантаже, когда помогал своим знакомым в их деяниях. Он просто наслаждался небольшими выходками, особенно теми, что создавали проблемы его деду.

Но теперь это осталось в прошлом. У недавно вернувшегося Олливана Симса были свои приоритеты. Или скорее единственный приоритет: оставаться в Уизерворде. Жить волшебной жизнью.

– Ну, ты не единственный, кто может собирать грязь, – сказал Лев, самодовольно расправляя манжеты рубашки. – У Лукаса Виотто тоже есть секрет. Он крутит роман с дочерью мадам Арканы, портнихи.

Олливан нахмурился.

– Это не секрет. Они были вместе еще до того, как меня изгнали.

– Также он крутит роман с самой портнихой.

Олливан издал произвольный звук, похожий на лай.

– Звезды! Я не уверен, что могу его винить – она гораздо более очаровательна, чем ее дочь.

– Нам повезло со временем проведения выборов, ведь еще месяц – и он бы вышел из Общества.

– Гейл Гарнер был слишком умен для нас, – продолжил Вирджил.

– Он умный парень.

– Он за милю учуял возможность извлечь выгоду.

– Сколько я ему должен?

– Ужин.

Олливан склонил голову набок.

– Я думал, ему нравятся девушки.

– Так и есть. В частности, одна девушка. Он хочет поужинать с твоей семьей. Три вечера. И Кассия должна быть там.

Олливан поморщился.

– Это все, что я могу ему пообещать. Я не имею на нее никакого влияния.

– Я сказал ему.

Лев кивнул Вирджилю.

– Но мы думаем, что они и вправду хорошая пара. Он слишком хорош собой для кого-то другого. И ему будет все равно, что ее мать – следующий верховный чародей.

– Ты думаешь, что они хорошая пара, – поправил Вирджил. – В них двоих столько цинизма, что это не может привести ни к чему хорошему.

– Так что остается только...

Олливан сделал жест, который, как он надеялся, они могли верно истолковать.

Он очень усердно работал, чтобы добиться законной победы. Ему нужна была победа, настолько убедительная, что обратить ее вспять и отправить его обратно в Иной мир означало бы практически разрушение Общества – поражение, которое, как он знал, Джупитус не потерпит из чувства гордости. И он так близок к тому, чтобы все было выше всяких похвал. По крайней мере, по стандартам самого Общества. На самом деле он максимально близок к тому, чтобы достичь желаемого.

Но после учета каждого голоса, который он мог выжать из членов Общества всеми обычными способами, все еще не мог достичь минимального порога, который, как они все надеялись, поможет ему победить.

При условии, если бы все члены Общества проголосовали. Поэтому они разработали последний и наиболее отчаян-

ный план, чтобы сделать порог еще ниже.

Олливан прислушался к звукам из коридора, но затем все равно понизил голос.

– Все прошло гладко?

– Проще простого, – сказал Лев, переминаясь с ноги на ногу. – Я пригласил их вчетвером на ланч сегодня днем, как ты и просил. И ты снова оказался прав.

Олливан отвлекся на зеркало, прихорашиваясь, но затем остановился, поймав еще один пристальный взгляд Вирджила.

– То, что я сам оплачивал обед, оказалось вполне достаточно. Они готовы были притвориться, что им понравилась эта идея. И вообще, кто может устоять перед говяжьим бургиньоном в «Берингере»?

– Ты можешь, – серьезно сказал Вирджил. – Потому что пробуешь вегетарианство.

– Именно. Один из них упомянул, что рагу было немного странным на вкус, но он явно съел уже довольно много, а кроме него, никто и слова не сказал. К завтрашнему дню они все будут в порядке, так ведь?

– Абсолютно, – сказал Олливан, положив руку на сердце. – Зелье разработано для имитации пищевого отравления и пройдет через их организм к утру. Тем временем... что ж, пусть звезды присмотрят за ними этой ночью, пока они цепляются за свои ночные горшки.

Вирджил издал раздраженный звук.

– Что случилось? – спросил Олливан.

– Что не так, так это то, что ты вернулся, с тебя сняли наказание, и ты снова нарушаешь правила. Только на этот раз в этом деле замешаны мы со Львом. Мы по уши завязли в этом, Олливан, пока ты прохлаждался в Ином мире, продавая невеждам якобы целебные кристаллы.

– Я могу заверить тебя, Вирджил, к тому времени как я провожал их из магазина, они были более просвещенными в таких вопросах.

– Звезды милостивые, это все, что ты услышал из моих слов?

– Это не все, что я услышал, просто самое несправедливое из нескольких ложных обвинений.

– А что с остальными? Что ты каким-то образом смог шантажом заставить половину членов Общества проголосовать за тебя...

– Четырех.

– Что, когда этого оказалось недостаточно, ты прибег к отравлению...

– Лев отравил их.

Руки Вирджила сжались в кулаки.

– Клянусь небесами и землей...

– Вирджил.

Обычно громкий голос Льва на этот раз был мягок и нес в себе всю тяжесть разговоров, в которые Олливан не был посвящен. Тяжесть всех ссор, которые у них были, когда они

работали над тем, чтобы вернуть его.

– Ты сказал, что дашь ему шанс.

Раздражение Олливана нарастало, но оно схлынуло, и у него перехватило горло. Потому что Лев все еще верил в него, а Вирджил – нет.

Когда они нашли его у Пендергаста, Олливан рассказал им правду о том, что произошло. Не все, но главное – он был невиновен в убийстве призрака Джонаса Бенна, преступлении, которое стало последним гвоздем в крышку гроба для Джупитуса, советников Джупитуса и его собственной матери. И друзья поверили ему. Или, по крайней мере, они сказали, что верят.

Лев умоляющим взглядом смотрел на Вирджила, и тот медленно смягчался, как всегда делал под влиянием юноши, которого любил.

Смотря на них, Олливан испытывал неприятное осознание того, что все не так хорошо, как он надеялся.

– Поверь мне, Вирджил, я проведу остаток своей жизни, оплачивая тебе за это, – сказал он. – Это самая великая вещь, которую кто-либо когда-либо делал для меня. Для начала я назначаю вас обоих секретарями.

Вирджил сглотнул. Лев нервно рассмеялся.

– На самом деле это невозможно, – сказал он.

– Против правил? Какой кошмар. Нам придется подбросить монетку.

– Нет, я имел в виду, что вакансия уже занята.

Олливан разинул рот.

– Но только президент может назначить секретаря. А президент – я.

Вирджил фыркнул.

– Как у тебя с арифметикой, Симс?

– Прошу прощения?

– Мы насчитали лишь семнадцать голосов. Разве ты не хочешь знать, кто обеспечил тебе президентство?

– Ты... ты подкупил кого-то местом секретаря?

– Все не так просто, – сказал Лев, качая головой. – Вся эта перекрестная агитация стала слишком рискованной. Некоторые из людей, которых мы убеждали голосовать за других кандидатов, оказывались хорошими друзьями. Они могли бы все обсудить и выяснить, что мы убедили их голосовать за разных людей.

Он смущенно почесал затылок.

– В общем, нам просто нужен был еще человек.

Планируя переворот, Вирджил выдвинул идею вынудить одного или двух шантажируемых избирателей в рамках сделки убеждать еще одного или даже двух человек.

Олливан энергично покачал головой.

– Я отверг этот план. Вы сказали, что согласны с тем, что принуждение – это слишком рискованный способ заставить кого-то вас слушать. Вероятность того, что он передумает и все испортит, слишком высока. Особенно, когда речь идет о такой деликатной задаче, как скрытая агитация. Весь этот

план и так уже балансировал на острие ножа.

Из открытой двери донесся женский вздох.

– Земля и звезды, тебе всегда нужно быть таким драматичным?

Олливану стало холодно и жарко одновременно. Его глаза встретились с глазами Льва, который одними губами произнес «извини», хотя по его лицу непрошенно расплзлась довольная ухмылка. Олливан бросил на него свой самый смертоносный взгляд, обернулся и впервые за более чем год столкнулся лицом к лицу с Сибеллой Дентли.

Он был опустошен, обнаружив, что она оставалась такой же прекрасной, какой он ее помнил. Широко расставленные светло-карие глаза смотрели на него с веснушчатого смуглого лица. Ее локоны были заколоты назад и падали на одно обнаженное плечо. Ходили слухи, что она наложила чары на эти кудри, чтобы они сияли; Олливан так и не узнал, было ли это правдой. Благодаря дополнительной ширине юбки из тафты с рюшами ее фигура полностью заполнила дверной проем. Ее мама как-то сказала, что она слишком пышнотелая, что бы это ни значило. Олливан считал ее идеальной.

По ямочке на ее подбородке он мог сказать, что за напускной невозмутимостью скрывалась тысяча колкостей, и все, без сомнения, предназначались ему. Это заставило его задуматься, обдумывала ли она их в его отсутствие; вспоминала ли она о нем.

– Элли.

– Мисс Дентли, – поправила она.

Олливан проклял небеса. Они что, все разом решили наказать его?

Он повернулся ко Льву.

– Тебе нужен был один избиратель, – медленно произнес он, – и лучший человек, которого ты мог придумать, чтобы попросить о помощи, была... Мисс Дентли?

Последние два слова он адресовал Сибелле, и она с вызовом расширила глаза.

– На самом деле я сама вышла на них, – сказала она с певучими нотками в голосе и тряхнула волосами.

Земля и звезды, Олливан ненавидел ее.

– Около месяца назад Ян Ленникер загнал меня в угол и в полном смятении спросил, кому я рассказал о той ночи с женщиной-телепатом. Помнишь такой случай?

Олливан проклинал себя. Конечно, он помнил, что Сибелла была там, он просто не подумал, что Ленникер перепроверит, действительно ли его шантажировал юноша из другого измерения.

– Сибелла пришла к нам и сказала, что знает, чем мы занимаемся, – пристыженно сказал Лев. – Только...

– Только она не знала, – закончил Олливан, уже видя, к чему это ведет. Была причина, по которой они когда-то были неразлучны. Своенравность Олливана и Сибеллы доставляла всем неприятности, но, в конце концов, для нее это было лишь этапом, в то время как для Олливана – призванием.

– Но узнала, как только Лев и Вирджил оказались достаточно любезны, чтобы подтвердить мои подозрения.

Она надула щеки.

– В чем проблема, мистер Симс? Всего лишь маленький шантаж. Ты же его так любишь.

Олливан скрестил руки на груди, чтобы она не видела, как он сжимает кулаки. Если бы Сибелла Дентли получила хоть малейший намек на то, что действует ему на нервы, унижение было бы настолько острым, что он мог бы с таким же успехом отправиться напрямиком обратно к portalу.

– А теперь ты секретарь Общества.

Она просияла.

– Разве ты не собираешься поздравить меня?

– Поздравляю. Я надеюсь, ты знаешь, что едва ли у тебя будем много работы. Быть президентом Общества молодых одаренных чародеев для меня – средство достижения цели, и я планирую относиться к этому так и никак иначе.

– О, – тихо сказала она, подходя очень близко, так близко, что Олливан мог видеть зеленые искорки в ее карамельных глазах и вдыхать цветочный аромат ее духов. – Я боюсь, что все пойдет не так. Видишь ли, в конце твоего срока я буду иметь право баллотироваться на пост президента. Чем успешнее будет мое пребывание на посту секретаря, тем больше у меня шансов на победу. И я выиграю, Олливан. Все, что ты сделаешь, чтобы помешать этому, приведет к тому, что ты отправишься обратно в Иной мир прежде,

чем успеешь сказать «пищевое отравление». Вероятно, Лев и Вирджил отправятся с тобой. В хартии, возможно, ничего не говорится о шантаже, но в ней совершенно ясно говорится о давлении на избирателей. Поэтому я предлагаю тебе прямо сейчас поставить себе цель стать самым безупречным президентом, которого когда-либо видело это Общество, и делать в точности то, о чем просит тебя твой секретарь. А теперь прошу отойти, ты опираешься на мой стол.

Мало что могло по-настоящему испортить настроение Олливана этим вечером. Перспектива работы с Сибеллой Дентли – усердной работы, сопровождаемой угрозой разоблачения, – стала одной из таких вещей. Все волшебство и покой президентского убежища исчезли; это была клетка, которую ему предстояло разделить с ней. И ему не выбраться из нее так быстро, как бы ни хотелось.

Когда они втроем выходили из комнаты, Сибелла снова заговорила.

– Закрой за собой дверь.

Его друзья ничего не поняли, но Олливан в ужасе обернулся. Сибелла мило улыбалась ему, но в ее взгляде он видел яд.

Она точно знала, что сказала. Это были те же забытые звездами слова, которые она произнесла в ту ночь, когда разбила ему сердце.

– *Где моя книга?*

Может, Эстер обращается к тебе, но твои глаза проделывают дыру в шахматной доске, а все твоё тело напряжено от предвкушения.

– На столе у окна, – говорит Файф, затаив дыхание.

На столе за диваном, где прячется Гедеон.

Ты осмеливаешься поднять глаза только тогда, когда она, ничего не подозревая, пересекает гостиную. Гедеон идеально подгадал время, чтобы выпрыгнуть в облике рычащего льва. Это пугает тебя и приводит в ужас Эстер, которая от испуга превращается в тигрицу.

Секунду спустя они оба становятся людьми, а на ковре лежит разбитая лампа.

Никто не дышит. Розыгрыш испорчен. Затем сидящий на другом конце шахматной доски Илиус ахает. Нет, смеется. Файф начинает смеяться следующим. Когда Эстер присоединяется, ты понимаешь, что все хорошо.

– И ты, Кассия! Ты была в этом замешана?

Ты была. Новенькая, тихая, неуверенная в себе чародейка – и уже сообщник. Эстер с улыбкой ругает тебя и хлопает по руке, и тебе кажется, что ты раздуваешься до размеров тигра.

Глава 10

Это был один из тех семейных ужинов, что заставляли Кассию задумываться, почему она вообще когда-то так жаждала вернуться домой.

Все пятеро неловко ковырялись в еде: Кассия, ее мать, дедушка, Олливан и – по неизвестным причинам – Гейл Гарнер. Еще более озадачивающим, чем его присутствие, было то, насколько довольным он казался своим пребыванием здесь. Он продолжал ловить взгляд Кассии и посылать ей улыбки с другого конца стола.

Но это не так смущало, как кипящая ярость, сжигавшая ее с дедушкиного конца стола. Если бы она была Олливаном, то не смогла бы этого выдержать. Но ее брата никогда не волновало, что о нем думают.

– Но как ты проводил кампанию, не имея доступа к избирателям? – спросила Алана, явно восхищенная и не пытающаяся этого скрыть. Если бы Кассия сжала челюсти еще крепче, они бы лопнули. Прошел день после выборов, что, по ее мнению, было достаточным временем, чтобы перестать говорить об этом.

Олливан откусил от своей порции и ответил с набитым ртом.

– Лев и Вирджил занимались коммуникациями за меня. Они проделали абсолютно блестящую работу, и я не мог бы

гордиться больше. Дедушка, тебе следует подумать о том, чтобы нанять их в свой отдел пропаганды.

Джупитус поднял глаза с таким видом, как будто только что здесь оказался. Кассия тоже пыталась не обращать внимания на Олливана, пока тот разглагольствовал, но сегодня вечером у нее это не получилось. Его присутствие все еще было слишком раздражающим. Вчера она думала о своем брате только как об отголоске прошлого своей семьи. И вот теперь он здесь, прямо за обеденным столом верховного чародея.

– А твоя политическая программа? – спросила Алана. – Она, должно быть, необычайно убедительна. Я не помню, чтобы вписанный кандидат когда-либо побеждал на президентских выборах, не так ли, отец?

Джупитус ничего не ответил.

– Политическая программа, – повторил Олливан, задумчиво жуя. Он потянул за рванный шрам, который, как бритва, пересекал одну его щеку от глазницы до челюсти. Он получил его в драке, той самой, которая, как говорят, сделала его убийцей. Когда Кассия покидала Странствующее Место прошлой ночью, то слышала, как Кива Медиова со смешком сказала, что это придает ему опасный вид.

– О, ты знаешь, все как обычно. Побольше вечеринок и до краев заполненный бар. Возможности познакомиться с важными людьми. То, что действительно важно для членов Общества молодых одаренных чародеев.

Кассия слишком сильно стукнула своим бокалом с вином, и все повернулись, чтобы посмотреть на нее. Гейл потянулся за графином, стоявшим между ними.

– Позволь мне, – сказал он, наполняя ее бокал.

– Не пей слишком много, Кассия, – рассеянно сказала Алана, поворачиваясь обратно к Олливану: – И управляющие твоей кампанией сделали все это так, чтобы об этом не узнало все Общество? Как? Почему?

– Разве это не очевидно? – сказал Джупитус, и в его голосе послышалось рычание. – Чтобы у нас не было шанса остановить его.

Алана, казалось, взяла себя в руки и, сжав губы, кивнула. Тем не менее она не сводила глаз со своего сына.

Сама того не желая, Кассия заговорила.

– Ты счастлива, что он дома, – ошеломленно сказала она.

Она перевела взгляд с матери на Олливана и обратно.

– А ты нет?

Олливан попытался сердито посмотреть на нее, но Кассия наблюдала за своей матерью, которая бросила на нее быстрый взгляд и вернулась к еде.

Кассия была свидетельницей того года, что предшествовал изгнанию Олливана, и видела, через что он заставил пройти их мать. Крики в четыре утра, когда он приходил домой с разбитыми губами и расширенными зрачками. Обвинения от друзей и коллег – людей, которые понадобятся, чтобы поддержать ее притязания на должность верховного ча-

родея, – что ее сын вломился в их дом или испортил вечеринку.

Теперь он хитростью избежал наказания, которое вполне и по-настоящему заслужил – на которое согласилась их мать, – и Алана была не только впечатлена, но и рада этому. Они могли ссориться, он мог причинить ей боль, пристыдить, угрожать наследию их семьи, убить кого-то – и все же не существовало ничего, что заставило бы потерять ее любовь. И возможно, именно такой и должна быть материнская любовь, но Кассия этого не понимала.

– Кассия, никто из нас не хотел, чтобы Олливана отправили в Иной мир.

– Ты хотела сказать «изгнали», – огрызнулась Кассия. – Его не отправили в Иной мир, как меня отправили в Камден. Он был изгнан за...

– И это расстроило всех нас.

Алана повысила голос, чтобы прервать свою дочь. Гейл внезапно перестал улыбаться ей; он сосредоточился на своей тушеной моркови, как будто они все могли забыть о его присутствии, если он начнет вести себя достаточно тихо.

– Но теперь твой брат вернулся. Это еще один шанс, и я со своей стороны готова дать ему эту возможность. Я хотела бы видеть, что ты того же мнения.

– Слушайте, слушайте, – сказал Олливан, поднимая свой бокал в ее направлении.

Кассия попыталась поймать взгляд бабушки. Он, несо-

мненно, был бы союзником в этом деле. Но Джупитус, оставаясь таким же угрюмым, каким был весь вечер, ничего не сказал. Он сидел в тишине и размышлял. Возможно, чувствовал, что уже проиграл. И если бы он позволил чему-либо сделанному Олливаном разозлить его еще больше, это только показало бы, что именно внук обладает наибольшей властью. По крайней мере, в этот момент и в этой комнате. Что бы Кассия ни думала, ей следовало восхищаться смелостью своего брата за то, что он пошел против их деда.

Она осознала, что за столом воцарилась тишина и кто-то произнес ее имя.

– Прошу прощения?

– Я спросила, как прошел твой сегодняшний урок? – сказала Алана.

– О.

Блестяще. Еще одна тема, которую Кассия ненавидела.

– Джаспер не появился.

– Он не появился? Он прислал весточку?

Кассия покачала головой и открыла рот, чтобы сказать, что сама послала ему сообщение, но Олливан оказался быстрее. Подавившись глотком вина, он спросил:

– Джаспер Хоукс?

Кассия подняла бровь.

– Да?

– Джаспер Хоукс занимается с тобой?

– Олливан, в чем дело? – спросила Алана.

Олливан отложил нож и вилку, и на его лице появилось странное замешательство. Его взгляд был жестким. Через мгновение он покачал головой.

– Тебе следует держаться от него подальше, – твердо сказал он.

– Олливан, Джаспер был тебе другом, – мягко сказала Алана.

Джупитус, внезапно настроившийся на разговор, издал звук согласия.

– В то время когда все остальные считали, что ты ничего не стоишь.

– Потому что так и было, – пробормотала Кассия.

– Да, мама, в течение примерно года, когда я пренебрегал границами и нарушал правила, до тех пор пока мой собственный дедушка не счел нужным изгнать меня из этой вселенной, моим единственным другом был Джаспер Хоукс, – медленно сказал Олливан. – Что тебе непонятно?

– Я не желаю слушать эту чушь, – отрезал Джупитус. Его серо-стальные глаза встретились с такими же глазами Олливана. – Мистер Хоукс изо всех сил старался обуздать твои наклонности, и это твоя ему благодарность?

– Он дал показания твоему дедушке после... случившегося, – сказала Алана, не отрывая глаз от своей тарелки.

Губы Олливана побледнели. Когда он поднес бокал с вином ко рту, его рука дрожала.

– Я не сомневаюсь, что он это сделал.

Кассия засмеялась. Не просто фыркнула, а залилась настоящим смехом. Это было слишком забавно.

– О, теперь я понимаю. Это Джаспер виноват в том, что ты лживый, вороватый, драчливый, лживый, пьющий, бессердечный, жестокий эгоист.

– Ты дважды сказала «лживый».

– Эта курица просто восхитительна, как именно ее приготовили? – спросил Гейл голосом на несколько октав выше, чем обычно.

– Кассия... – начала Алана.

– Хорошо.

Джупитус поднял руку, и за столом воцарилась тишина. Он пристально посмотрел на Олливана.

– Ты не превратишь мой обеденный стол в цирк.

– Я? – выплюнул Олливан. Он находился на полпути к тому, чтобы указать на Кассию, когда Джупитус прервал его.

– Если ты хочешь жить на моей территории, следуй правилам. Если ты их нарушишь, то, видят звезды, даже потребуйся для этого каждая капля магии в городе, я найду способ разрушить заклятие устава Общества, освободить тебя от должности президента и вышвырнуть обратно через портал навсегда, понятно?

Кассия не могла поверить, что это произвело на Олливана такой сильный эффект. Если до этого он всеми силами демонстрировал возмущение и обиду, то после того, как Джупитус пригрозил обратить вспять все, чего он достиг сво-

им дурацким переворотом, Олливан замер на своем месте. На его лице сменилось несколько выражений: возмущение, негодование и гордость. Когда он снова заговорил, то сделал это сквозь стиснутые челюсти. То, что он сказал, было последним, что она могла от него ожидать.

– Да, дедушка.

Джупитус подозрительно прищурил глаза. Алана быстро взяла сына за руку и сжала ее. Это был жест то ли благодарности, то ли гордости, и это было определено не то, что ей следовало делать.

Напряженное выражение лица Олливана стало еще жестче, и он закрыл глаза.

Джупитус сразу перешел к делу.

– Во-первых, ты будешь проводить каждую ночь в своей постели в доме своей матери и будешь там к полуночи...

– Часу ночи, – прервал сказал Олливан.

– Это не переговоры. Ты не выйдешь из дома, не сказав своей матери, куда и с кем ты идешь и что планируешь делать. Не слуге, не дружиннику. Твоей матери. Также каждый день ты будешь подробно отчитываться обо всем, что сделал. Я советую тебе не попадаться на лжи. Мои стражи порядка будут внимательно наблюдать.

– Хорошо.

– Если ты сможешь безукоризненно соблюдать эти правила, то тебе будет разрешено остаться здесь до конца твоего президентского срока.

Глаза Олливана расширились.

– И что будет потом?

– Потом ты вернешься в Иной мир и проведешь остаток своей жизни в изгнании, как и было задумано.

– Что?

Олливан поднялся со своего места. Кассия думала, что ей это понравится, и, в принципе, так оно и было. Но все было как всегда: дедушка устанавливал свои правила, а мать ничего не делала. Эта картина пробудила в ней знакомую беспомощность.

– Ты говоришь мне, что даже стань я образцовым гражданином в течение следующих двух лет – напоминая, на очень престижной должности, – ты все равно будешь ждать момента, когда сможешь выгнать меня?

Джупитус тоже встал. И, хотя, в отличие от Олливана, он не выпрыгнул из-за стола, что-то в его спокойной медлительности производило не меньшее впечатление.

– Ты бы предпочел, чтобы я передал исполнение твоего наказания призракам?

– Отец... – сказала Алана, поднимая руку, чтобы схватить Джупитуса за предплечье.

Он стряхнул ее с себя.

– Возможно, ты воспользовался двусмысленностью того... вечера дуэли, на котором убил одного из их людей. Но не думай, что из-за того, что леди Райк и Север были достаточно милосердны, чтобы оставить твое наказание в моих

руках, это неизменно. С точки зрения Принципов – правил, которые я помогал писать и поклялся соблюдать, – мне следовало бы позволить им завладеть твоей жизнью. Я этого не сделал, потому что это бы еще сильнее разбило сердце твоей матери. Но пойми вот что: одно мое слово, и, я тебе обещаю, призраки не сочтут смерть убитого тобой человека такой уж двусмысленной.

Олливан устался на стол. На его челюсти дрогнул мускул, но он промолчал. Кассия пожалела, что не умеет передавать мысли. Она хотела бы сказать своему идиоту-брату, чтобы он отступил.

– Ты не оставил своему дедушке выбора, Олливан, – сказала Алана.

– Я уже дал ему очень простой ответ, – ответил Олливан с мертвенным спокойствием, – и сейчас я повторю его по буквам. Прогони меня или поверь мне.

– Вот и чудненько, – твердо сказал Джупитус, снова садясь и разрезая куриную грудку, как будто Олливан был одним из его дружинников, пришедших передать сообщение, а затем уйти. – Будь благодарен за мою снисходительность. Это не в моем характере, особенно по отношению к тем, кто угрожает миру.

– Понятно, – произнес Олливан лишенным эмоций голосом. – Я свободен?

Джупитус пренебрежительно махнул рукой.

– Я иду домой, – сказал Олливан, а затем перенесся прочь.

Глава 11

Олливан приземлился в своей спальне, схватил книгу со стола и швырнул ее в стену.

Комендантский час. Отчеты обо всех его приходах и уходах. И все это для того, чтобы по истечении двух лет быть изгнанным обратно в Иной мир. Его дед, должно быть, впал в маразм, если думал, что Олливан на это согласится.

Не то чтобы угроза быть отправленным обратно удивила его. Победа на выборах была первым шагом, временным решением, которое дало бы Олливану время придумать способ полностью отменить свое изгнание.

Вторая фаза включала в себя хорошее поведение и надежду на то, что если он сможет держать себя в руках ровно настолько, чтобы реабилитироваться в глазах деда, то заставит этого человека прислушаться. Он мог бы заставить верховного чародея понять, что вообще не следовало изгонять его.

Но нет. Сегодня вечером Джупитус ясно дал понять, что послушание Олливана ничего не даст, и все равно потребовал от него этого. Он ожидал, что Олливан прогнется под его натиском, чтобы сохранить свою жизнь, лишь для того, чтобы забрать ее при любом удобном случае.

Олливан поднял еще одну вещь – пресс-папье. На этот раз он нацелился на зеркало.

Оно разлетелось вдребезги с успокаивающим крещендо

сердитых звуков. Осколки стекла дождем посыпались на ковер. Последовавшая за этим тишина зазвенела еще громче, и, набрав полные легкие воздуха, Олливан прочистил голову.

Итак, дедушка еще не намеривался отменить его изгнание. Этого следовало ожидать. Джупитус был горд. Появление внука, который в девятнадцать лет был лучшим чародеем, чем Джупитус в самом расцвете сил, было ужасным оскорблением, уступающим только тому, что для этих целей он использовал столь обожаемое дедом Общество. Но Олливан ничего не мог с этим поделать. Джупитус сам вынудил его. И в любом случае срыв выборов был необходим, независимо от того, получил ли он удовольствие от выражения лица своего деда или нет.

И соблюдение правил тоже было необходимо. Он все еще мог переубедить верховного чародея. У него целых два года, чтобы сделать это. И если он больше не совершит что-то настолько же впечатляющее, как его возвращение, хорошее поведение станет еще более важным фактором. Решающим фактором.

Что не очень удобно, так как Олливану нужно было улизнуть *сегодня вечером*.

Он потратил впустую достаточно времени. Воссоединился со своими друзьями и встретился со своей семьей. Разложил вещи в своей комнате так, как ему нравилось. Те вещи, от которых семья не избавилась – к счастью, его книги, были упакованы в коробки и надежно спрятаны на чердаке, а за-

писные книжки, накопившиеся за несколько лет, полностью исчезли, хотя он заранее это предугадал. Олливан даже потихоньку начал налаживать отношения со своими избирателями, хотя и сомневался, что Гейл Гарнер получил от своего первого приглашения на ужин то, на что надеялся.

Но у Олливана были более насущные проблемы, и, чтобы их решить, ему пришлось бы нарушить правила Джупитуса. *Сегодня я обезвредил ловушку, поставленную год назад, которая могла бы привести к неисчислимым разрушениям, если бы заклинание было активировано*, – это не то, о чем он хотел сообщить в своем вечернем отчете.

Джупитус знал, что не сможет уследить за Олливаном. Подобно магии призраков, которая позволяла двигаться быстрее пули и проходить сквозь стены, и магии метаморфов, с помощью которой человек мог превратиться в птицу и улететь – или в мышь, чтобы незаметно входить и выходить, – таланты чародея позволяли им перемещаться. Использовать для этого заклинание переноса было дурным тоном, и некоторые места были защищены от того, чтобы туда могли переместиться, даже если они не могли удерживать находящихся внутри. Но Джупитус не мог наложить такую защиту на комнату Олливана; его собственные чары позаботились об этом. Также дед не мог на самом деле следить за Олливаном, что бы он там ни говорил. Хотя юноша был уверен, что каждому дружиннику в Харте будет дано указание приглядывать за ним. От внимания Олливана также не ускользнуло, что его

дед мог бы запретить ему покидать квартал, но не сделал этого. Джупитус мог бы подумать об этом позже и, несомненно, подумал бы, если бы Олливан дал ему повод, но сейчас он пойдет туда, куда пожелает.

Нет, Олливана нельзя было остановить, но его можно было поймать. Он расхаживал по комнате, взвешивая риски. Головная боль начала стучать у него в висках, когда он представил, как все препятствия давят на него, словно земля, которую бросают на гроб.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.